Боевые ребята

№ 12

сб
Б75

БОЕВЫЕ РЕБЯТА

ВЫПУСК ДВЕНАДЦАТЫЙ

67435

ОБЛАСТНАЯ ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. Свердловск

Свердловское Областное
Государственное Издательство
1950

ДЛЯ МЛАДШЕГО
И СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО
ВОЗРАСТА

Лагерь со двора

Евгений Великанов *Рисунки Е. Галёвой*

Возвышаясь над двором,
Тополь блещет серебром.
Дотянулся он до крыши
Во дворе его нет выше.
Но поблизости как раз
Мачта вдруг здесь поднялась.
В небеса ушла, стройна,
Выше тополя она.
А на мачте — красный флаг...
С удивлением прохожий
Замедлял у дома шаг:
— Это лагерь? Да, похоже!
Пахнет липой, пахнет мятой...
В эту пору, как всегда,
Поразъехались ребята
Из Свердловска, кто куда:
Кто в колхоз, кто в санаторий,

В лагерь за город, в поход —
Закаляться на просторе,
Спорить с ветром непогод,
И по берегу крутому,
И тайгой итти вперёд.
Ну, а кто остался дома,
Как он лето проведёт?
Но дружина не забыла
И об этой детворе:
— Чтоб весёлым лето было,
Не скучать чтоб, во дворе
Отдыхать мы так начнём,
Будто в лагере живём.

На курорте был монтёр,
Что в квартире 7 живёт,
И, домой вернувшись, двор
Он почти не узнаёт.
В день, когда он уезжал,
Во дворе ещё лежал ,
Посредине, по углам
Неприглядный всякий хлам.
А теперь другой уж вид:
Двор по-новому глядит.
Тонких саженцев семейка,
Посреди двора — линейка
В чистом золоте песка,
В пышной рамке цветника.
Поздравляя с новым днём,
Горн трубит: «Подъём, подъём!»
Начат день по распорядку
Физкультурною зарядкой.
Раздаётся: — Три — четыре...
Полной грудью... Плечи шире...
Замолкают голоса...
В помощь старшим — два часа.
Мало ль дела: подмести,
За продуктами пойти,
В детский садик отвести
«Капитана» лет пяти.

Вновь потом зовёт горнист:
«На линейку становись!»
Рапорты отрядов сжаты.
Сообщает всем вожатый,
Чем заняться предстоит.
У ребят весёлый вид:

День пройдёт у них в походах
В лес и на берег реки,
Ждут их книги, лепка, фото,
Волейбол и городки.
До отбоя от побудки
Нет для скуки ни минутки.
Медью вспыхнула труба,
Дробь просыпал барабан.
Флаг на мачту поднялся.
В путь-дорогу! Голоса:

— Мы давно там не бывали!
— Тигр там новый, говорят!
В зоопарк с вожатой Валей
Первый двинулся отряд.
На реку, что под горой,
Отправляется второй.
С ним юннаты всем кружком:
Кто с ведёрком, кто с сачком.
Пусть подарит им река
Для живого уголка
Мелких рыбок и жуков,
Водолюбов, пловунцов.
Не ушло в поход одно
Лишь дежурное звено.
Гость лесной — весёлый ёж
В уголке живёт двора.
— Здравствуй, ёжик! Узнаёшь?
Покормить тебя пора!
— Надо столик сколотить.
Взяли пилы, молотки.
— Где же лейка? Цветники
Полагается полить.
На ребят глядят жильцы
С одобреньем: «Молодцы!»
И к вожатому подходят
Речь о помощи заводят.
— Я берусь помочь юнтехам,—
Откликается монтёр
Это он, домой приехав,
Не узнал сегодня двор.
Заявляет мастерица:
— Научу вас вышивать.
От людей, как говорится,
Не хочу я отставать.
Вслед за ней столярный мастер:
— С детворой дружить непрочь
По художественной части
Мало чем смогу помочь,
Но коль нужно строить сцену,
Сообщите старику,

В этом деле, несомненно,
Пригожусь я драмкружку.—
После мастера потом
Выступает управдом:
— Лагерь — славное начало,
По душе жильцам и мне.
Мастеров у нас немало,
Все помогут вам вполне.

Солнце выше-выше всходит.
Тень от мачты стрелкой ходит.
А на мачте — алый флаг,
Среди зелени, как мак.

ДРУЗЬЯ — ПРИЯТЕЛИ

О. Коряков *Рисунки А. Кудрина*

Когда кончался послеобеденный чай, из лагерной столовой вышел Петя Силкин. Через полминуты к нему присоединился Ваня Крутиков. А ещё через минуту неразлучная пара подходила к даче, где жил первый отряд.

— Значит, как договорились,— шопотом сказал Петя, и Ваня утвердительно кивнул головой.

Петя двинулся в сторону, к кустам, а Ваня к даче. На веранде сидел дежурный Сеня Волошин. Он был знаменит в лагере тем, что мог, не вылезая из-за стола, съесть два, — а некоторые даже говорили, что три,— обеда. Сеня, склонив свою круглую стриженую голову набок, насторожённо прислушивался к чему-то.

— Ты что?

— Кто-то ходит. В даче.

— Кто же там может быть? Все на чае.

— А ты?

— А я уже...

— А Петя куда пошёл?

— Тебе зачем?— насторожился Ваня, потом вдруг сделал строгое лицо и сказал: — Что же, ты — дежурный, а сидишь здесь. Вот в окно залезут и что-нибудь утащат.

— Ну да, скажешь!

Однако дежурный встал и пошёл в комнаты, чтобы проверить, всё ли в порядке на доверенном ему посту. Всё было в порядке. Только по-

стель Пети Силкина была сильно измята. Непонятно: ведь после «мёртвого часа» Сеня проверял, все ли хорошо заправили свои постели. У всех было хорошо, а теперь у Пети измята.

Вечно с ней что-нибудь происходит — с Петиной постелью. То под матрацем находят сосновые шишки, то под подушкой — банку с червяками, то грязь. На весь лагерь позор. Вот уже два раза старшая вожатая Зоя говорила на общелагерной линейке, что в первом отряде не умеют соблюдать чистоту. А кто не умеет? Петя Силкин. Это всё из-за него.

Ладно. Сеня заправит ему постель. Он заправит потому, что это же для всего звена и даже для всего отряда неприятность. Но ты, Петя, берегись! Сеня придёт к вожатому звена и скажет: «Хватит, Данко! Я нянькой для Силкина больше быть не хочу».

Сеня взялся за одеяло, встряхнул его и тут... Ну-ка, надо проверить... Куда же она делась?..

Нижней простыни на постели Пети Силкина не было.

— Ваня!— крикнул Сеня и, не дождавшись ответа, выбежал на веранду.

Ваня исчез.

Сене всё стало ясно.

— Хитрецы,— сокрушённо пробормотал он.— Опять что-то выдумали! А мне — нагоняй...

Тем временем Петя Силкин неторопливо шагал по узкой тенистой тропочке в лесу. Эта тропочка начиналась в кустах, у дачи первого отряда, прорезала небольшую берёзовую рощицу, обегала спортивную площадку и, пропрыгав по склону меж кустов, упиралась в речку. Называлась речка Светлая. В ней была очень прозрачная вода.

Петя дошёл до речки и присел на пенёк. В руках его была стеклянная банка, завёрнутая в простыню.

Нежаркое солнце, пробивая лучами зелёную листву, украсило землю светлым узорным покрывалом. Чуть журчала вода, крутясь у прибрежных камней, а из лагеря доносились приглушённые всплески смеха и говор.

На иву, что склонилась к речке, вспорхнула молодая синица. Склонив маленькую вёрткую головку, она скосила на Петю внимательный чёрный глаз.

— Цциовик-ц, цюви-цви,— сделал губами Петя.

Любопытная птичка перепрыгнула поближе, и её взгляд сделался удивлённым.

— Я, пичуга, ещё не так умею,— сказал Петя и подмигнул синичке. Он сложил губы бантиком и, втягивая воздух в себя, тоненько засвистал.

быстро-быстро ударяя кончиком указательного пальца по губам то сверху, то снизу. Получилась переливчатая трель.

«Цзив-цви-вень?»— удивлённо спросила синица и наклонила голову ещё сильнее.

— Вень, вень,— весело подтвердил Петя и засмеялся. Он очень любил птиц. Свои школьные сочинения на свободные темы он писал о птицах. Рисовал птиц. Говорил о птицах. И в лагере, как только приехали, объявил, что организует «птичий кружок». Правда, Зоя сказала, что такого кружка нет, а будет кружок натуралистов. «С птичьей секцией»,— добавил Петя и немедленно записался в кружок. В живом уголке он оборудовал вольеру — большую клетку, затянутую металлической сеткой. В ней жили дрозд, два клеста и синица. Для них он раздобыл в лесу несколько старых заброшенных гнёзд и полено с дуплом, ежедневно менял в вольере зелень.

Птицам Петя отдавал всё свободное время. То он мастерил для них какую-то, особого устройства кормушку, то плёл тайник — сеть для ловли птиц, то бродил по лесу, выискивая птичьи гнездовища и наблюдая за их обитателями, то просто сидел у вольеры, не сводя с неё глаз. Ходил он грязный, с вечно исцарапанными от лазанья по деревьям и кустам руками, в разорванной майке. Но это ничуть не беспокоило его: «лишь бы в вольере было хорошо, а остальное — пустяки!»— думал Петя.

Пока Петя забавлялся с синицей, на тропке показался Ваня. Помахивая небольшой лопатой, он быстро шагал, сосредоточенно размышляя о чём-то.

Хотя эти пареньки дружили и были членами одного кружка, занятия у них были совсем разные. Ваня увлекался агротехникой и мичуринской наукой. Для него было раз и навсегда решено, что он станет агрономом. Это знали все, но только Пете доверил Ваня свою главную мечту: вывести такой сорт хлебного растения, чтобы с каждого куста можно было снимать зёрна сразу по килограмму. Разве это невозможно? Очень даже возможно! Отбирать самые крупные зёрна, высевать их, а из полученных снова брать только самые крупные. Придётся, конечно, потратить на это много лет. Зато какая будет для всех польза! Но для этого надо ещё много учиться и стать взрослым.

Несколько дней назад на его опытном участке появилось растение не совсем обычное. Это была ветвистая пшеница. Её дали (всего лишь два кустика) на районной селекционной станции. Они ходили туда вместе с Зоей. Теперь Ваня тревожился: новое растение принималось плохо. Об этом и думал он, шагая по лесу.

— Споткнёшься,— пошутил Петя, вставая с пенька.

Ваня вздрогнул — так глубоко он задумался — и остановился.

Мальчики внешне походили друг на друга. Оба были длинные, худые. Только Ваня был блондин, а Петя черноволосый. Петя любил посмеяться и был горяч, а Ваня всегда серьёзен и спокоен.

— Шито-крыто?— спросил Петя.

— Всё в порядке.

— Теперь всё! Уехала простыня.— И Петя, повернувшись в сторону лагеря, помахал рукой, будто прощался с кем-то.

— Попадёт нам, — сказал Ваня.

— Это за что попадёт? Не-ет.

— А зачем тайком? Попадёт.

— Уже испугался? Поджилки трясутся, да?

— Это у тебя, наверное, трясутся.

Странное дело, эти друзья-приятели вечно спорили. Иногда до того, что казалось, готовы были подраться. Но это — наедине. А уж среди ребят они стояли друг за друга так, как никто. Что Петя скажет — то и Ваня, что Ваня — то и Петя. И всегда они были неразлучны. И вещи у них были общие. «Чьи удочки?» — спрашивал кто-нибудь. Ему отвечали: «Это Петеванины». «Чей ножик?» — «Ванепетин».

Вот какие это были друзья.

Встретившись сейчас, они двинулись берегом вниз по течению реки.

— Сначала на участок зайдём, посмотрим пшеницу, да? — сказал Ваня.

— Пшеницу лучше на обратном пути.

— А на обратном пути — ещё раз.

— Ого! Жирно будет.

Ваня даже остановился.

— Петя,— сказал он укоризненно,— я не понимаю тебя, Петя. Как ты можешь так говорить? Ведь это же научный опыт.

— А у меня не научный, да? У меня ещё более научный! Для твоей же пшеницы. Ведь птицы что делают? Они всяких полевых вредителей едят и насекомых. А я за ними наблюдаю. А кормить их в неволе надо?..

Ваня знал, что если Петя начнёт говорить о птицах, его всё равно не переговоришь. Поэтому сам он длинных речей не произносил, а просто твердил одно и то же: «Сначала на участок».

Наговорившись всласть, Петя успокоился и сказал, что это, в конце концов, не так уж важно,— куда идти сначала. Можно и на участок.

И они пошли на участок.

Для этого надо было по берегу Светлой пройти до того места, где речка раздваивалась и первый её проток отбегал в сторону от горы Таёжной. Здесь друзья свернули ещё правее, прошли метров сто по густому тенистому лесу и оказались перед громадной поляной, поросшей кустами. На краю поляны и был опытный участок кружка натуралистов.

На маленькой грядке, аккуратно обгороженной сухими сосновыми ветками, были посажены кустики ветвистой пшеницы. Они росли здесь уже четвёртый день. Вид их не порадовал Ваню. Один из кустиков совсем зачах, и, казалось, его надо просто-напросто вырвать и выкинуть. Может быть, пройдёт дня два или три, и кустик оживёт? Второй выглядел лучше, но и его длинные узкие листья вяло клонились, а цвет их, бледный, с желтизной, напоминал цвет лица смертельно больного человека.

Ваня тяжело вздохнул и насупился.

— А они лучше стали, чем вчера,— сказал Петя, хотя видел, что растения ничуть не стали лучше.— А потом, это всегда так бывает: им же трудно на новом месте. Вот посади щегла в клетку — он хмурый такой, нахохлится, а привыкнет, весь день петь будет. Я же знаю. Так что, ты плохого не думай.

— Ладно. Пойдём.

— Если хочешь — ещё побудем.

— Может, землю порыхлить?

— Ну да, порыхлить!

— Так я вчера рыхлил. Нет,— и Ваня вздохнул.— Часто — вредно. Пойдём.

Они молча двинулись в лес. Скоро Ваня заметил муравейник.

— Подойдёт?

Петя отрицательно покачал головой:

— Маленький. И один. Лучше, когда сразу несколько. Давай ещё поищем.

Дело в том, что Пете нужны были муравьиные яйца. Так называются личинки муравьев. Ими кормят птиц.

Бродя по лесу, друзья скоро отыскали три муравейника, расположенные близко друг от друга. И началась «охота за муравьиными яйцами».

Друзья расстелили на земле простыню и загнули её края, сверху прикрыв их ветками. Потом они стали лопатами перетаскивать муравейник на простыню. Посредине её выросла целая куча земли, сухих веточек, соломинок, хвои — всего того, из чего строят муравьи свои жилища. В этой куче встревоженно сновали тысячи суетливых шестиногих. Они бегали вокруг своих личинок. Личинки, действительно, напоминали

птичьи яйца, только очень маленькие. Они были продолговатые, желтоватого цвета, словно ядрышки кедровых орехов без скорлупы.

Суматоха среди муравьев поднялась невообразимая. Ещё бы! Какие-то гиганты разрушили их жилища, подняли на воздух и вновь бросили на землю, только почему-то гладкую и белую, и теперь не только их жизни, но и будущему поколению грозила страшная опасность.

Сначала муравьи вели себя очень бестолково. Они метались по куче в разные стороны, хватали каждый то одно, то другое яйцо, бросали их, мчались нивесть куда, снова ухватывались за личинки и всё бегали, и бегали, натыкаясь друг на друга, сшибаясь головами и падая. Но вот, видимо, их разведчики донесли, что поблизости есть хорошее тенистое убежище, куда можно укрыть личинки. И тысячи шестиногих помчались к краям простыни. Туда каждый муравей бежал с яйцом, а возвращался пустой. Личинки они складывали под загнутыми краями простыни.

Ваня с интересом наблюдал эту картину. Он впервые видел, как охотятся за муравьиными яйцами. Петя изредка ворошил муравейник, чтобы поднять наверх новые кучки личинок.

Это продолжалось около часа. Наконец, Петя сказал: «Хватит», — и, сбросив ветки, откинул загнутые края простыни. Ваня ахнул: во всю их длину, вытянувшись правильным четырехугольником, лежали грудки муравьиных личинок. Они были сложены аккуратно, чистые, без мусора. Оставалось только ссыпать их в банку — вот и вся «охота».

Петя так и сделал. Банка до краёв наполнилась муравьиными личинками.

После этого друзья стряхнули с простыни всё, что оставалось на ней, свернули её и двинулись в обратный путь. Обитательницам вольеры будет теперь лакомая пища. От этого на душе у Пети сделалось весело, и он принялся насвистывать.

Однако увлечься этим приятным занятием надолго Пете не пришлось. Очень скоро навстречу им попался Саша Климов. Вернее, они попались навстречу ему. Он стал поперёк тропки, сложил руки на груди и сказал:

— У-у-фф... Сто вёрст пробежал — вас искал. А ну, покажи простыню. Да не бойся, не бойся, показывай... Так и есть, всю измарали. Ну, идёмте. Сейчас вам устроят птичий свист. Пошли, пошли. Данко ждёт. Тебя, Петька, на совет отряда вызывают.

Совет отряда?!! У Пети похолодели ноги, и банка с муравьиными яйцами показалась ему такой ненужной и постылой, что он чуть не бросил её на землю. Но это неприятное чувство владело им лишь миг.

— Идём!— храбро сказал Петя и, отодвинув Сашу плечом, двинулся вперёд.

Они подходили к даче, когда увидели вожатого своего звена Данко. Ноги у Пети опять похолодели.

Данко стоял на веранде и молча смотрел на подходивших приятелей. Это был высокий плечистый паренёк лет тринадцати. У него были стройные ноги и сильные руки. Данко хмурился. Губы его были поджаты, а тёмные почти чёрные брови сердито сдвинуты. Совсем необычными казались волосы — русые, с пепельным отливом. Они свисали над высоким лбом двумя короткими растрёпанными прядками.

— Скорее!— крикнул Данко так, что Юра Поздеев, стоявший рядом с ним, вздрогнул.

Ребята, словно окрик подхлестнул их, побежали.

Петя подошёл к Данко, не глядя ему в глаза. По дороге Саша успел рассказать, что Сеня Волошин пожаловался отрядному вожатому — Борису, тот вызвал Данко и ругал его за беспорядки в звене. Данко дал слово, что это было в последний раз и что теперь они будут следить за Петей Силкиным всем звеном. Но Борис всё равно решил вызвать Петю на совет отряда.

Петя подошёл к вожаку звена и, боясь услышать резкие и обидные слова, начал говорить первый.

— Ну, что особенного?— сказал он.— Ну, яиц муравьиных насобирали. Ведь надо же для птиц. А без простыни как?..

Данко, словно и не слушал его, перебил, обращаясь к Ване:

— Ты тоже?

— Мы вместе.

— Ведь знаешь, что он неряха и недисциплинированный. Должен за ним следить, а ты...

— Значит, я тоже неряха,— сказал Ваня, нахмурившись.— И недисциплинированный.

Данко вскипел:

— Ты дурачка не строй! Ты не неряха. Ты просто плохой товарищ.

— Я?!— Ваня даже опешил.

— Не мог сказать, что нельзя?— начал наступать и Юра.

— Ну, ладно,— огрызнулся Петя,— я на совете отряда отвечу. А вы-то все что набросились?

Тут уж в разговор вступил и Саша.

— Ты, Петька, лучше помолчи,— сказал он.— Подумаешь — «на совете отряда отвечу». Ты сначала ответь нам, здесь. Потому что мы все за тебя краснели, когда Борис ругал Данко.

— А что вам отвечать?

— А то!

— Обождите, ребята,— сказал Данко.— С ним мы на совете поговорим. А вот сейчас пусть скажет Ваня, почему он не помогает Пете исправляться.— Данко круто повернулся к Ване.— Ты ему друг или нет?

Ваня насупился:

— Сам знаешь.

— Никакой ты не друг. Вот Саша с Юрой — товарищи, и когда у Юры по физкультуре двойка была, кто его первый ругал? Саша. Кто первый помог? Саша.

— Я даже сначала обижался,— смущённо сказал Юра.— Зато теперь у меня четвёрка.

— Ну и я бы помог, если бы умел. А тут как поможешь, если он... если мы неряхи?

— Данко, опоздаем,— сказал Саша. Он тоже был членом совета отряда.

— Идём. А ты подумай, Ваня. Мы ведь всерьёз. Смотри, поставим на сборе звена... Пошли,— Данко двинулся к ступенькам, быстро сбежал вниз и помчался к клубу, бросив товарищам через плечо:— Догоняйте!

Саша кинулся за ним.

Петя не побежал. Он шёл не торопясь, стараясь казаться независимым и спокойным, но, чувствуя на спине колющие взгляды,— и осуждающие, и сочувствующие,— сутулился больше обычного.

Лагерный клуб находился в низком и длинном дощатом здании. Зал, в который могла свободно поместиться вся дружина, был украшен зеленью, плакатами и лозунгами. В правой стене зала была дверь, ведущая в живой уголок, в левой — вход в пионерскую комнату.

Постучав в дверь налево, Петя попросил разрешения войти.

В пионерской комнате всё было торжественно и красиво. Под большим портретом Сталина стояла знамённая горка — искусно сделанная из дерева подставка для знамён, звеньевых флажков, барабана и горна. На алом шёлке, украшенном золотой бахромой, светились лучи вечернего солнца. Лучи пронизывали шторы, и цветы, вышитые на полотне девочками из второго отряда, казались от этого живыми, напоёнными воздухом и светом.

За столом, покрытым красным сукном, разместились члены совета. Тут был и Борис, вожатый отряда. Он сидел в стороне от стола, у окна, и наблюдал, как два карапуза из группы малышей гоняли по лужайке мяч, стараясь ударять его головой.

— Футболисты будут!— горделиво сказал он, не обращая внимания на вошедшего Петю.

Сам Борис был страстным футболистом. Он работал на механическом заводе, а в лагерь, вот уже второе лето, выезжал по поручению комсомольской организации. Его профессией было токарное дело, но он заслуженно считался мастером на все руки. Казалось, нет на свете вещи, которую не сумел бы сделать вожатый первого отряда Борис Полухин. Он умел также стряпать, шить и даже вязать. Однажды, под смех всего отряда, Борис вызвался на соревнование с девочками, — кто скорее и лучше заштопает носок. И выиграл состязание! «В армии всё пригодится»,— говаривал он, и ребята начинали понимать, что «девчонковские» дела вовсе не бесполезны для настоящего мужчины.

Внешностью Борис был прост, ростом невысок, а сложения крепкого. На его загорелой шее, когда он поворачивал голову, вздувались продолговатые бугры мускулов. Он редко улыбался, но когда это случалось, всем вокруг становилось отрадно. Такая открытая, весёлая, сердечная была у него улыбка. И при этом казалось, что не только его зубы, частые и белые, сверкают, но и всё на нём — широким узлом завязанный галстук, комсомольский значок, голубая шёлковая майка — всё светится и притягивает к себе.

Он умел быть и строгим. А нередко просто злился не хуже простого мальчишки,— если в отряде получалось что-нибудь плохо, не так, как он требовал.

Петя опасливо посмотрел на вожатого и стал спиной к стене.

— Начнём?— спросил председатель совета отряда Витя Борцов и взглянул на Бориса.

Тот, не отрываясь от окна, утвердительно кивнул головой и сказал:

— Ты что же, Петр, стоишь? Сядь.

Обращаясь к пионерам, Борис всегда называл их полным именем. Уменьшительных он не любил. Поэтому и его никто не называл Борей, а только Борисом.

Петя неохотно шагнул к стулу, сел.

— На повестке дня два вопроса,— продолжал Витя.— Первый о поведении Пети Силкина, второй — о предложении первого звена. Изменения будут?.. Повестка принята.

Витя вёл заседание умело и деловито. Многословия он не признавал, дела никогда не затягивал. По первому вопросу докладывал он сам.

— Сегодня после чая,— сказал он,— Петя Силкин через окно забрался в дачу отряда и утащил со своей постели простыню. Пошёл соби-

рать муравьиные яйца. Вместе с Ваней Крутиковым. Но Ваню мы на совет не вызывали. Потому что не надо. Всё дело в Пете. Он недисциплинированный и неряха. Уже два раза наш отряд получал замечание за беспорядок в жилой комнате. А весь беспорядок — на Петиной постели. Потому что он за собой не следит. И даже на совет отряда — вы посмотрите — он пришёл грязный и в рваной майке. Это недостойно пионера. Петя об этом знает и не исправляется. Я предлагаю объявить ему выговор. Кто будет говорить?

Все смотрели на Петю. А он ни на кого не смотрел. Он уставился в пол и делал ногой такое движение, будто растирал что-то подошвой.

— Пусть сам скажет, что думает,— проговорил Борис и, наконец, отвернулся от окна.

Петя встал. Голова его была опущена. Длинными грязными пальцами он теребил нижнюю кромку трусов.

— А что сказать? Что не буду больше, да?

— Это нам не надо,— сказал Витя.— Просто скажи — что думаешь.

— Думаю, что получу выговор — и всё.

— Это пока что не твоё дело!— вспылил Данко.— Ты скажи, как относишься к своим проступкам.

— А какие проступки? Что птиц кормлю, да? Что ухаживаю за ними?.. Ничего вы не понимаете! Вот.— И Петя сел.

Все молчали. В это время раздался стук, и в дверь просунулась голова Вани Крутикова.

— Разрешите мне быть на совете?— сказал он.

— Зачем?— спросил Витя.

— А я с Петей вместе...

— Он за себя сам ответит.

— Обожди, Виктор,— вмешался вожатый.— Ему вовсе не вредно послушать, какой тут о его товарище разговор пойдёт. Входи, Иван, садись.

Ваня сел рядом с Петей.

Поднялся Саша Климов:

— Дай, Виктор, скажу.— Он повернулся к Пете.— Вот на веранде Ване говорили, что он плохой товарищ. Ты — тоже. Ты это и сейчас доказываешь. Ничего мы не понимаем, по-твоему? Разве так говорить — по-товарищески?.. А всё остальное! Когда звено или отряд ругают, из-за тебя же ругают,— тебе всё равно? Так выходит? И, по-моему, он зазнался. Птицы, птицы! Вот исключить его из членов кружка... Понимаешь, Петя,— вдруг сменил тон Саша,— понимаешь, ну... нехорошо это. Ведь все мы одинаковые, и каждый чем-нибудь занимается, а ты

67435

ОБЛАСТНАЯ ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. Свердловск

один грязнуля и неаккуратный. И ещё задаёшься!.. В общем, я кончил. Не умею я...

Слово взял Данко. Потом говорили другие члены совета.

Петя слушал их и не слышал. Все было смутно и глухо. До сознания доходило только, что все ругают, и было очень обидно. Хотелось встать и выбежать. Правда, за этими мыслями, за обидой и злостью подымалось робко что-то такое, что заставляло его мучительно краснеть и опускать глаза, и что было тревожно, но непонятно.

— Слово имеет Борис,— сказал Витя, и Петя съёжился.

А Борис заговорил спокойно и, вначале, казалось, совсем о другом. Он заговорил о каком-то своем товарище, который во время Отечественной войны был на фронте и со взводом солдат попал в окружение.

Их было двадцать девять человек. А кругом — целые батальоны, полки, дивизии врага. Было это в лесах под городом Ржевом. Двадцать восемь солдат и один офицер две недели блуждали по чаще, отбиваясь от врага, пробиваясь к своим. Они почти не спали и были очень голодны. Они ели только грибы и ягоды. Трое были убиты, а один умер от ран и истощения. Их осталось двадцать пять. И каждый день лейтенант выстраивал своих солдат и проводил осмотр. Он проверял, чтобы все были чисто помыты, выбриты и чтобы у каждого под воротником гимнастерки был подшит белоснежный воротничок. Так требует воинский устав.

Как-то раз лейтенант, как обычно, обходил строй. Он шатался от усталости, но взгляд его был попрежнему острым. Он увидел, что один из бойцов небритый и грязный. «Вы слышали мой приказ: мыться и бриться каждый день?»— спросил лейтенант. Боец ответил, что, конечно, слышал. «На трое суток под арест»,— сказал лейтенант. А кругом — враг, болото, смерть. А люди усталые и голодные. «Есть, на трое суток под арест»,— ответил боец.

Когда они вырвались из окружения и разыскали свою часть — двадцать солдат и один офицер,— тот боец явился к старшине роты и доложил, что за нарушение устава арестован командиром на трое суток...

— Ты понимаешь, зачем я это рассказал, Петр?— спросил вожатый и посмотрел на Петю.— Это для того, чтобы ты понял, как свято чтут наши воины, наши советские люди дисциплину и порядок. И, ты думаешь, почему тот взвод вырвался из окружения? Представь себе: бойцы забыли бы о дисциплине. Сегодня он не умылся, завтра скинул бы ремень, послезавтра забыл бы на привале патроны, а ещё через день потерял бы волю и честь бойца. Ты скажешь: я не воин, а только ещё школьник. Да. Но большое всегда начинается с малого. И приучать себя к поряд-

ку во всём надо с малых лет... А то, что здесь другие говорили о товариществе — так это для тебя позор. Не ожидал.— Тут Борис резко оборвал свою речь и, не говоря больше ни слова, опять отошёл к окну.

В комнату вошла Зоя, старшая пионервожатая лагеря. Витя хотел, видимо, доложить ей, но Зоя коротко махнула рукой, улыбнулась приветливо и прошла в угол. Там она села, маленькая, тихая, незаметная. Её внимательные карие глаза близоруко сощурились, оглядели всех и остановились на Пете. И Петя в это время посмотрел на вожатую, и взгляды их встретились.

Зоя была добрая ласковая девушка. Девочки между собой, а иногда и в лицо, называли ее Зоечкой. Петя её очень уважал. И Зоя, видимо, любила Петю,— так, во всяком случае, ему казалось. Она помогла ему достать металлическую сетку для вольеры, часто заходила в живой уголок, расспрашивала о птицах.

А сейчас её глаза, обычно такие тёплые и дружеские, смотрели на Петю холодно. Петя не выдержал этого взгляда и отвернулся. В душе стало пусто и мерзко. А в ушах застряли слова Бориса: «Это для тебя позор, не ожидал». И ребята тоже все, как один, говорили безжалостно и резко. Петя почувствовал себя одиноким, никому ненужным, и в то же время товарищи, только что произносившие слова осуждения, показались ему такими близкими, дорогими, нужными, что сердце упало куда-то в пропасть, которая возникла между этими двумя чувствами — обиды и вины.

Петя взглянул на Ваню. Тот сидел, отвернувшись, уставившись в пол.

А Витя уже требовал, чтобы он, Петя, сказал своё слово, прежде чем совет отряда будет принимать решение.

Но что же, что сказать им?!.. Ему было стыдно за грубость, которую он допустил, и было больно за себя и обидно. Он понимал — ещё смутно, больше сердцем, чем умом,— что позорил свой галстук. Чувства смешались в нём, он не знал, что сказать.

— Ну, или ты не будешь говорить?— спросил Витя.

Петя встал, с трудом проглотил слюну и тихо обвёл взглядом комнату, потемневшие стены, красное знамя, притихших и нахмуренных товарищей.

— Обожди,— сказал Вите Борис.— Надо же ему подумать.— И посмотрел на Петю открытым улыбчивым взглядом.

Этот ободряющий взгляд взметнул Петю куда-то высоко-высоко, так что захватило дух, а стены вдруг посветлели, и солнечное пятно на алом полотнище знамени ударило в глаза ликующим праздничным светом.

— Вот, честное слово...— сказал Петя и остановился.— Честное слово... Я не знаю, что говорить, но только скажу, что это правильно, что я плохо делал... И, если можно, не надо выговор. Я теперь буду дисциплинированный и буду следить за собой. И птицы не помешают. Вот увидите!..— Он замялся, опять посмотрел на товарищей и сел.

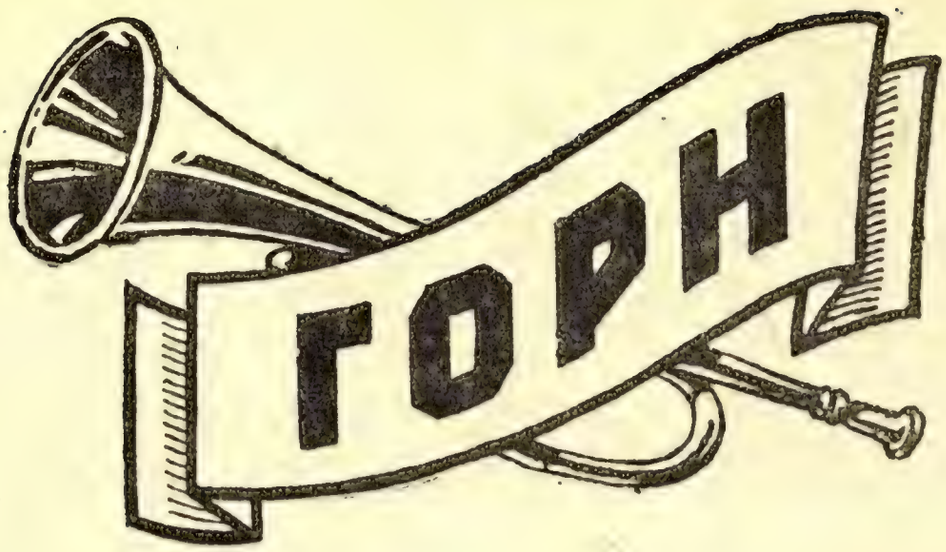
Витя что-то говорил ещё в назидание Пете строгое, но по лицу его было видно, что председатель совета отряда уже не так сердит, как вначале. Это стало совсем понятно, когда он сказал, что своё предложение о выговоре снимает.

У Пети было такое ощущение, словно он только что скинул с себя тяжелющий мешок, который тащил километров десять, и телу и душе стало очень легко. Ему хотелось улыбаться и разговаривать с товарищами хоть о каких-нибудь пустяках, просто так, для того только, чтобы разговаривать, чтобы чувствовать себя снова и снова равноправным членом коллектива.

А председатель тем временем уже объявил о втором пункте повестки дня и предоставил слово докладчику...

Е. Трутнева *Рисунки М. Шировского*

Солнце встаёт на востоке;
В небе горячая синь.
Здравствуй, товарищ далёкий,
Кули китайского сын!
Песни военные спеты,
Кончен на улице бой,—
Мы пионерское лето
Вместе встречаем с тобой!
Нам все дороги открыли
Наши герои-отцы.
В воздухе плещутся крылья,
Свищут на зорьках скворцы.
Вьётся дорожка крутая
Около речек и рек,
В синие горы Китая,
В солнечный, крымский Артек.
Всюду для нас, перед нами
Дружный и радостный труд.
Ждут нас походы с кострами,
Летние радости ждут.
Солнце встаёт на востоке;
В небе горячая синь.
Здравствуй, товарищ далёкий,
Кули китайского сын!



Голос друга — голос горна,
Утром, в самый ранний час,
Ты звучишь, поёшь задорно
В летнем лагере у нас.

В нашем школьном светлом зале
Горн сзывает нас на сбор.
С ним в лесу мы зажигали
Пионерский наш костёр!

Сколько споров, разговоров,
Звонких песен, славных встреч!
Сколько раз ещё на сборах
Нам с тобой костёр зажечь!

Так звучи же громче, шире,
Пионерский горн живой!
Дети всех рабочих в мире
Пусть услышат голос твой!

КУПАНЬЕ

Лень кустам пошевелиться;
Зноем пышет от земли;
Замолчали даже птицы;
Не гудят в траве шмели.
Речка плещется лениво,
Вся прозрачная до дна!
А к воде нагнулась ива
И, как в зеркале, видна.
Будто в этих ветках зыбких,
Будто в их тени густой —
В речке маленькие рыбки
Проплывают над водой.
Остаются на лужайке
Наши трусики и майки,
Под ногой хрустит песок.
Вот и мостик из досок!
Струйки плещут на дощечку...
Ну-ка, кто храбрее всех?
Кто залезет первый в речку?
Толкотня, веселье, смех!
Брызги вверх летят фонтаном,
Закипела глубина.
К берегам, к лужкам-полянам
За волной бежит волна.

Крутой поворот

Б. Фрадкин

У самого подножья гор, покрытых изумрудным ковром хвойного леса, на берегу не глубокой, но быстрой и прозрачной речки Слюдянки, рассыпались дома колхоза «Заветы Ильича». Крепкие рубленые пятистенники, крытые железом, окружённые обширными усадьбами, очень походили друг на друга. Колхоз был богатый. Поля его раскинулись на десятки километров вокруг в живописных долинах, между крутых отрогов уральских гор.

От районного центра Кунгура колхоз «Заветы Ильича» отделяло расстояние в пятьдесят восемь километров. Неширокая проезжая дорога сбегала от колхоза к Слюдянке и, перебежав через неё по добротному деревянному мосту, сделанному колхозными плотниками, скрывалась за поворотом в густом сосновом лесу.

Местами лес расступался, образуя широкие прогалины, поросшие вереском и шиповником. За Сорочьим логом начинались колхозные поля. Дорога здесь прямой линией шла на подъём, потом, с крутым поворотом, по самому краю глубокого оврага, и стремительно падала вниз, прямо к переезду через железнодорожное полотно. На каменистых склонах оврага росла жёсткая, колючая трава, и по дну его журчал ручей.

Шофёры окрестных колхозов, которым приходилось ездить по этой дороге, не любили поворот за Сорочьим логом и звали его «чёртовой петлей».

Колхоз был самый обыкновенный, каких много у нас в стране, и мальчишки в нём были тоже самые обыкновенные, но Димка Устинов, четыр-

надцатилетний подросток с вихрами светлых волос и веснущатым остроносым лицом, имел всё-таки бо́льшую известность, чем его сверстники. Димка считался верховодом всех колхозных ребятишек. На улице он никогда не появлялся в одиночку. Его всегда сопровождала многочисленная и шу́мная ватага.

Любитель разных затей, Димка, однако, ни к чему не питал такого пристрастия, как к колхозной автомашине и, в особенности, к её мотору. Он в ней души не чаял, причиняя своим любопытством немало хлопот шофёру Степану Прокопьевичу Лукину.

От одного вида Димки Степану Прокопьевичу становилось не по себе. Димка успел досадить ему очень многим. Он часами вертелся около машины, жадно присматриваясь к каждому движению шофёра. Степан Прокопьевич, самый спокойный и невозмутимый человек в колхозе, долго переносил назойливое Димкино любопытство. Он терпеливо отвечал на бесконечный поток вопросов, пока однажды Димка, воспользовавшись его отсутствием, не запустил мотор.

Машина, тронувшись с места, задела крылом столб и, резко повернутая неопытной Димкиной рукой, чуть не сшибла проходившую колхозницу. Колхозница закричала. На её крик из окна правления колхоза, около которого происходила эта сцена, выглянул Степан Прокопьевич. Увидев машину в движении, он перемахнул через подоконник и, нагнав её, вскочил на подножку...

С тех пор Степан Прокопьевич близко не подпускал Димку к машине и на все его вопросы отделывался угрюмым молчанием. Но такое отношение шофёра вовсе не охладило Димкиного любопытства. Он попрежнему продолжал появляться у машины во главе многочисленной ватаги ребятишек.

— Зажигание не работает,— поясняет он каждое движение шофёра.— Дядя Степан свечи вывёртывает. Сейчас он промывать их будет. А вон теперь карбюратор продувает. Это чтобы топливо шло нормально.

— А ты мог бы продуть? — спрашивает его Володька Никитин, одноле́ток Димки, его лучший друг.

Димка пожимает плечами.

— Как дважды два-четыре.

— И зажигание наладил бы?

— Пара пустяков,— Димка пренебрежительно машет рукой.— Я мотор, как свои пять пальцев, знаю.

Друзья смотрят на него с уважением. Раз Димка сказал, что знает, значит, действительно, знает. Тут и сомневаться нечего. У всех ещё в памяти случай, когда Димка запустил машину.

Неизвестно, какими судьбами Димка раздобыл себе описание автомобиля. С этого дня для Степана Прокопьевича началось сущее несчастье, потому что все вычитанные в книге сведения Димка тотчас же бежал проверять на нём, на Степане Прокопьевиче. И пока тот копался в моторе, Димка, стоявший поодаль от машины, высказывал свои замечания:

— А почему вы, дядя Стёпа, уже две недели болты не подтягивали? В книге сказано, что через две недели обязательно нужно подтягивать, иначе блок разболтается.

Степан Прокопьевич, только что собравшийся подтянуть болты картера, в сердцах швыряет ключ обратно в кабину. Ему вовсе не хочется делать то, что подсказывает этот белобрысый парнишка, хотя бы он и был прав.

— Ты долго ещё будешь околачиваться около машины? — угрожающе произносит Степан Прокопьевич.

Степан Прокопьевич считается одним из лучших шофёров в районе. В колхозе его ценят как исполнительного, требовательного к себе работника. Машина его всегда находится в полной исправности. Ездит он без аварий, но так, что ему завидуют самые лихие шофёры района.

И вот однажды Димка едва не подорвал авторитет Степана Прокопьевича в глазах председателя колхоза Максима Ивановича.

Потребовалось срочно съездить в Кунгур за запасными деталями к комбайну, который вышел из строя в самый разгар уборочных работ. Максим Иванович, не доверяя никому такого ответственного поручения, решил съездить сам вместе со Степаном Прокопьевичем. Всю ночь перед этим Степан Прокопьевич провёл за рулём и теперь ему ещё предстояло совершить рейс в Кунгур.

Он пригнал машину к правлению колхоза. Ожидая, пока выйдет председатель, он заглушил мотор и незаметно для себя задремал. Должно быть, сказалась бессонная ночь.

— Поехали,— сказал Максим Иванович, выбегая из правления,— да побыстрее!

— Всё будет в порядке,— успокоил его Степан Прокопьевич, нажимая педаль стартера,— до Кунгура за час домахаем. Птицей полетим!

Стартер зажужжал, но мотор почему-то не заработал.

— Ты, Максим Иванович, поработай акселератором,— попросил Степан Прокопьевич председателя, усевшегося уже рядом с ним в кабину,— а я ручкой проверну.

Вылезая с пустой рукояткой в руках, Степан встретился с любопытными глазами Димки, окружённого своими постоянными спутниками.

Приподнявшись на носки, Димка с расстояния в пятьдесят шагов пытался заглянуть в кабину.

Степан подошёл к радиатору и вставил рукоятку в гнездо. Он принялся крутить её так, что вся машина ходуном заходила.

— Что это вы делаете, дядя Стёпа? — спросил Димка.— Физкультурой занимаетесь?

Степан, оставив рукоятку в покое, открыл капот. Быстро осмотрел карбюратор, распределитель, провода, но ничего похожего на неисправность не обнаружил. Тогда он вернулся к рукоятке и снова принялся крутить её.

— Дядя Стёпа, а дядя Стёпа,— не унимался Димка,— зачем вы ручкой работаете? У вас же...

— Пошёл отсюда! — рассердился Степан.

— Вот ещё история,— проворчал Максим Иванович.— Всегда так бывает: когда нужно срочно, тогда и неполадки.

— Никаких неполадок нет,— успокоил его Степан,— сейчас поедем.

Он опять открыл капот и принялся вывёртывать свечи.

— Да что же вы делаете, дядя Стёпа?— разволновался Димка — загляните лучше в кабину! У вас...

— Брысь! — рассердившись не на шутку, рявкнул Степан, только что собравшись взглянуть на приборы в кабине.

— Чего у него в кабине? — спросил Максим Иванович, высовываясь из кабины и глядя на Димку.

— Да зажигание же не выключено!

Степан с треском захлопнул капот, выдернул рукоятку из гнезда и, швырнув её со злостью на пол кабины, взобрался на своё место.

Димка оказался прав. Виновата во всём была ночь, проведённая без сна. На этот раз двигатель запустился без всяких хлопот.

— Что же это получается,— заметил Максим Иванович, покосившись на Степана Прокопьевича,— мальчишка, выходит, лучше тебя в машине разбирается? — Степан, нахмурившись, промолчал.

* * *

Все школьники колхозной школы под руководством молодой и весёлой учительницы Раисы Васильевны приняли участие в сборе колосьев, оставшихся на полях после комбайна. Они выходили в поле рано утром и возвращались поздно вечером вместе со взрослыми. Даже налегке обойти сотни гектаров нужно времени не мало, а на сбор растерянных на них колосков потребуется и того больше.

И вот предприимчивый Димка Устинов начал усиленно ломать голову в поисках чего-нибудь такого, что помогло бы ребятам ускорить сбор колосьев. Разрешить такую проблему в четырнадцать лет—дело нелёгкое. Димка вовсе не был конструктором, он приобрёл ещё слишком скудный объём знаний по устройству различных механизмов, исключая разве только автомобиль. Оставалось одно: перенять что-нибудь из устройства комбайна, механической сортировки или какой-либо другой, имевшейся в колхозе, машины.

Должно быть, Димка всё-таки что-нибудь придумал, потому что перестал появляться на улице. Проходя мимо дома, в котором жила Димкина семья, колхозники слышали, как в сарае стучит молоток и взвизгивает пила. Димка работал не один. Ему помогали все колхозные мальчишки. Одни из них шныряли по колхозу в поисках необходимого строительного материала, а другие часами пропадали вместе с ним в сарае.

Однажды со двора Нефедова исчезло колесо от разобранной для починки телеги. И хотя прямых улик не было, но подозрения всё-таки пали на Димку и его сподвижников. Осмотр сарая, где Димка занимался своим изобретением, не дал, однако, никаких результатов. Колеса у него не нашли.

Ранним августовским утром Димка показался, наконец, со своим творением на улице колхоза. Это была очень диковинная штука. Она напоминала собою тачку. К оси тележного колеса были прикреплены две длинные жерди, мешочный барабан на каркасе, сплетённый из прутьев ивняка и ещё какая-то странная, качающаяся деревянная решётка.

Всё это дивное сооружение промелькнуло на улице мимо поражённых колхозников и исчезло за околицей по дороге в поле. Нефедов, выглянувший из окошка, всё-таки успел признать колесо от своей телеги. Он погрозил вслед Димке и его многочисленной ватаге:

— Вот я вам!

В течение всего дня Димку вместе с его машиной и помощниками видели на уже убранных полях. Ухватившись по пять человек за каждую жердь, мчались они из конца в конец поля. Колосья, подхваченные решёткой, заполняли мешочный барабан. Время от времени производилась остановка, колосья выгружались и складывались в одну большую кучу.

К концу дня Димкина машина не выдержала и... развалилась.

— Ничего, починим,— успокоил Димка своих товарищей,— текущий ремонт устроим.

Произвести ремонт помешал Нефедов, решительно завладевший колесом от своей телеги.

— Нового-то колеса мне не найти,— с огорчением сказал Димка после того, как Нефедов удалился, — да и времени на ремонт много уйдёт. Придётся пока вручную собирать.

— Это в данный момент самое разумное,— согласилась с ним Раиса Васильевна.— И вообще очень нехорошо, что вы колесо стащили, а не попросили.

— Да кто бы нам его дал?

— Сейчас уборочная,— поддержали Димку ребята,— все колёса на учёте.

* * *

В один из сентябрьских дней на поляне перед правлением состоялось общее собрание колхозников, посвящённое выполнению плана хлебозаготовок. Собрание единодушно постановило дать государству хлеб сверх плана. Решили, что первая машина с дополнительным хлебом пойдёт под красным флагом.

— У меня есть предложение,— выступив вперед, сказала Раиса Васильевна,— пусть на этой первой машине будет увезено зерно, собранное школьниками.

— А что ж,— согласился с ней Максим Иванович,— к стыду комбайнеров и к чести школьников, собранные колоски дали нам добрых двести килограммов зерна.

— Ого! — ахнула толпа.

— Вон сколько на Нефедовском колесе накрутили,— заметил кто-то.

Все весело засмеялись и повернулись в сторону Димки. Димка поспешно спрятался за Раису Васильевну.

— Ребята заслужили похвалу,— сказала Раиса Васильевна,— и я прошу, чтобы эту краснознамённую машину сопровождал один из лучших учеников школы.

В девять часов утра машину нагрузили зерном. В кузове, около кабины, укрепили флаг, а на борту повесили красное полотно с выведенными на нём белыми буквами: «В подарок государству от колхоза «Заветы Ильича». Перед самым отходом машины во главе шумной толпы школьников пришла Раиса Васильевна. По пятам за ней, в новой рубахе и в ярко начищенных сапогах, с торжественным выражением на лице шёл Димка Устинов.

— Общее собрание школьников,— обратилась Раиса Васильевна к Максиму Ивановичу,— решило послать вместе с краснознамённой машиной Диму Устинова. Вот, прошу любить и жаловать.

— Ну что ж, Димку так Димку. Только чтобы никакого озорства не было.

— Что вы, дядя Максим,— заверил Димка председателя колхоза,— я же не маленький.

— Не собираетесь ли вы посадить в машину этого сорванца? — спросил Степан Прокопьевич, высовываясь из кабины,— заранее предупреждаю: ничего не выйдет.

— Почему же?

— Дядя Стёпа,— взмолился Димка,— я буду сидеть и молчать, я...

Но Степан Прокопьевич даже не взглянул в сторону Димки.

— Можете всю школу посадить на машину,— сказал он,— а этого... не возьму. И разговору конец.

— Он такой упрямый, что лучше и не просить,— кивнул Максим Иванович в сторону шофёра.— Давайте кого-нибудь другого.

— Ну, и я тоже упрямая. Садись, Дима!

Раиса Васильевна открыла с другой стороны кабины дверцу.

— Садись, не бойся,— подтолкнула она Димку.

— Не пущу,— повторил Степан Прокопьевич, но уже не таким решительным тоном.— И чего это вы привязались со своим Димкой? Свет на нём клином сошёлся?

— Садись, Дима,— не отвечая Степану Прокопьевичу, сказала учительница.

Димка, с опаской поглядывая на Степана Прокопьевича, уселся. Раиса Васильевна захлопнула за ним дверцу и кивнула головой.

Из склада вышел счетовод Филипп. Он подал шофёру накладную. Максим Иванович сказал:

— Трогай, Степан. Да смотри, зерно не растряси.

Степан Прокопьевич промолчал. Он нажал педаль стартера, и машина так резко рванулась с места, что Димка ударился головой о спинку сиденья. Димка хотел заметить, что резким переключением можно повредить коробку скоростей, но, во-время спохватившись, промолчал.

Машина спустилась к Слюдянке, миновала мост и, борча мотором, понеслась по уходящей в глубь леса дороге.

Димка с восторгом присматривался к точным и уверенным движениям шофёра. Он чувствовал себя именинником уже потому, что сидит в кабине автомобиля, наполненной приборами, рукоятками, переключателями.

Мимо мелькали лохматые ели, растущие у самой обочины дороги. Солнце с удивлением заглядывало в кабину, в глаза Димке. Он щурился, улыбался от удовольствия. По бледноголубому небу бежали рваные клочья облаков. Налетавший порывами ветер раскачивал вершины елей.

Потом лес расступился, и дорога пошла на подъём между оголённых, убранных от хлеба полей. Тяжело нагружённая машина сбавила скорость.

От самого колхоза Димка и Степан Прокопьевич молчали. Конечно, Димку так и подмывало заговорить, на языке у него вертелись десятки вопросов, но, зная о том, как настроен против него Степан Прокопьевич, он не решался первым начать разговор. А Степан Прокопьевич вёл себя так, будто никого рядом с ним не было.

На повороте у Сорочьего лога через дверку с опущенным стеклом в кабину ворвалась струйка свежего ветерка. На переднем стекле кабины затрепетал прижатый рычагом стеклоочистителя листок бумаги — накладная, вручённая Степану Прокопьевичу счетоводом. Степан Прокопьевич протянул руку, чтобы получше закрепить листок, но тот вдруг выскользнул из-под рычага, и струйка ветра вынесла его в щель между приподнятым стеклом и рамой кабины.

Степан Прокопьевич остановил машину и выскочил из кабины. Он уже было бросился в погоню за накладной, но вспомнил о Димке.

— Смотри,— предупредил он,— ничего не трогай...

— Ничего я не трону,— обиделся Димка,— мне Раиса Васильевна не велела.

— Раиса Васильевна...— усмехнулся Степан Прокопьевич.— Смотри у меня!

И он побежал за листком бумаги, который сначала птицей взмыл кверху, а потом опустился на кустарник у самого края оврага. Однако, когда Степан Прокопьевич добежал до кустов, порыв ветра, прижавший листок к ветвям шиповника, ослаб. Накладная соскользнула с ветки и, перевёртываясь с одной стороны на другую, начала опускаться на дно оврага.

— Ах ты, нечистая сила! — рассердился Степан Прокопьевич.— Вот же куда его понесло.

Прыгая с камня на камень, он стал спускаться следом за листком. Но новый порыв ветра не дал листку достигнуть дна оврага. Трепыхая, кружась и перевёртываясь, он снова взмыл вверх. Теперь его понесло вдоль края оврага.

Димка с интересом наблюдал за этой необычайной погоней. Его разбирал смех при виде грузной и неповоротливой фигуры шофёра, прыгающей и нелепо размахивающей руками. Потом ему стало стыдно за то, что он сидит праздным наблюдателем. Он открыл дверь кабины и выпрыгнул на дорогу.

— Дядя Стёпа! — крикнул он.— Дядя Стёпа! Я поймаю. Подождите.

Степан Прокопьевич, прыгавший по острым уступам камней, вдруг

оступился. Глухо вскрикнув, он сел на землю и схватился руками за ногу. Димка в это время успел нагнать листок бумаги. Крик Степана Прокопьевича заставил его испуганно обернуться. Степан Прокопьевич с побледневшим, искажённым от боли лицом, осторожно ощупывал левую ногу.

— Что с вами, дядя Стёпа? — спросил Димка.

— Беда,— сквозь стиснутые зубы процедил Степан Прокопьевич,— оступился я... Сейчас пройдёт...

Упираясь руками о каменистые уступы откоса, Степан Прокопьевич поднялся на ноги, но тут же опустился обратно на землю.

— Беда,— повторил он,— с левой ногой что-то неладное. Ну, ничего, до машины я доберусь.

Он посмотрел в сторону автомашины.

— Давайте я вам помогу,— предложил Димка.

— Помощник нашёлся,— усмехнулся Степан Прокопьевич,— обойдусь как-нибудь и без твоей помощи. Постой, что такое?

Машина, стоявшая на дороге, вдруг пришла в движение. Колёса её начали медленно поворачиваться.

И Димка, и Степан Прокопьевич одновременно поняли, в чём дело. Должно быть, машина не была заторможена как следует и теперь под действием собственной тяжести сдвинулась с места. Способствовала тому и значительная крутизна дороги на «чёртовой петле».

Забыв о ноге, Степан Прокопьевич кинулся к машине, но боль оказалась настолько сильной, что он упал и потерял сознание.

Димка выскочил на край оврага. В одно мгновение очутился он около машины, распахнул дверцу, вскочил в кабину. Ухватившись обеими руками за ручку тормоза, он потянул её на себя. Чтобы усилие было больше, Димка уперся ногами в пол кабины. Но машина продолжала двигаться. Тормоза не работали. Когда это дошло до сознания Димки, он похолодел от ужаса.

Степан Прокопьевич в это время пришёл в себя. Он поднял голову и взглянул в сторону машины. Она, непрерывно ускоряя движение, катилась прямо к отвесному краю оврага.

Промелькнуло искажённое от страха лицо Димки, тщетно старавшегося затормозить машину.

Все последующее произошло в течение очень короткого промежутка времени.

Прежде всего Степан Прокопьевич пожалел о том, что не допускал Димку к машине, не отвечал на его вопросы. Умей Димка обращаться с управлением, ему ничего не стоило бы сейчас справиться с машиной.

А теперь Степан Прокопьевич понял, что все усилия Димки совершенно бесплодны, самому же ему нечего было и думать придти на помощь.

— Прыгай! —крикнул он.— Прыгай, Димка, скорее!

Голос шофёра достиг слуха Димки. Оставив тормоза, Димка распахнул было дверцу кабины, но тут мгновенно в его воображении промелькнуло общее собрание колхозников, Раиса Васильевна... Нет, оставить машину он не может!

И, поражённый, Степан Прокопьевич увидел, что Димка опустился обратно на сиденье.

— Прыгай, дурень! — закричал что было силы Степан Прокопьевич.— Пропадёшь, прыгай, тебе говорят!

Превозмогая боль, он выбрался на край оврага и пополз за машиной. А Димка, не трогая больше тормозов, вцепился в баранку руля. Он принялся крутить её с остервенением. Машина круто свернула к противоположной стороне дороги. Но это не было спасением. Там был такой же крутой откос, правда, каменистый и менее высокий...

От одного края дороги к другому металась машина, будто играя с опасностью. Поворот становился всё круче, а овраг всё глубже. И каждое мгновение всё более убеждало Димку в неизбежности катастрофы. Он считал, что знает машину до последнего винтика. Ему казалось, что стоит только сесть за руль, и он сможет управлять ею так же легко и свободно, как дядя Стёпа. А теперь его знания сразу испарились: он не мог вспомнить ничего. Чувство беспомощности было так велико, что Димка не выдержал и заплакал. Если бы машина ещё двигалась медленно! Дорога была достаточно широка, и он, пожалуй, справился бы. Но она мчалась теперь со скоростью, от которой темнело в глазах...

И вдруг Димка почувствовал, что машина слушается руля больше, чем несколько мгновений тому назад. Сначала он не понял, в чём дело. Потом сразу сообразил: поворот кончился. Теперь перед ним виднелась прямая линия дороги, правда, всё так же круто идущая вниз. Однако там, внизу, сразу же за переездом через железнодорожное полотно, начинался спасительный подъём.

Страхи разом прошли. Димка закричал от радости. Разжав судорожно стиснутые на баранке пальцы, он стал выправлять движение машины более точными и плавными поворотами руля, попробовал ещё раз затормозить машину. Нет, тормоза не действовали. Бросив взгляд на приборную доску, он только теперь заметил ключ включения зажигания, оставленный Степаном Прокопьевичем в гнезде доски. Поворот ключа, и мотор заработал. Машина плавно пошла вниз к шлагбауму, подчиняясь теперь воле Димки. Димка нажал кнопку сигнала. С торжественным звуком гуд-

ка машина пересекла железнодорожное полотно и, не дойдя до нового подъёма, остановилась.

Димка выскочил из кабины. Ноги его дрожали от слабости, но такого счастья, такой гордости за себя ему ещё не приходилось испытывать никогда. Он по-хозяйски обошёл вокруг машины, осмотрел её. Всё было в порядке. Ни одного зёрнышка не просыпалось на землю после этой ужасной встряски. Мешки лежали так, как их сложили в колхозе. А над ними, то приподымаясь под порывами налетающего ветра, то вновь спадая к древку, шевелилось полотнище флага.

Димка побежал к Степану Прокопьевичу. Шофёр лежал на краю обрыва, прислонившись спиной к большому камню на обочине дороги.

— Дядя Стёпа,— сказал Димка,— я побегу в колхоз. За вами пришлют лошадь.

— Димка... ой, Димка,— произнёс дрожащим от волнения голосом Степан Прокопьевич,— да разве я мог знать, что ты такой... необыкновенный!

Он протянул руки к Димке, привлёк его к себе и расцеловал в ещё не просохшие от пота и слёз щёки.

Сентябрь

Е. Хоринская *Рисунок М. Шировского*

Кисти красные рябины
Из окошка манят нас,
Кисти красные рябины
Смотрят к нам в четвёртый класс.

Мы сказали: — Школа, здравствуй!
Мы пришли к тебе опять;
Принесли в горшочках астры.
Сами будем поливать.

До чего наш класс украшен!
Ветки хвои там и тут...
А учительницу нашу
Ниной Павловной зовут.

До уроков мы играем
В «догоняшки» во дворе.
Мы учиться начинаем
Непременно в сентябре.

Это помнят все ребята,
Нам забыть нельзя о том,—
Через год мы будем в пятом,
А потом в шестом, в седьмом.

Школьный сад наш золотится
И пылает, как заря.
Открываем мы страницу
Первым утром сентября.

В городах, аулах, сёлах,
Узкой горною тропой,
Он идёт такой весёлый,
Этот месяц золотой.

Золотистые берёзы,
Золотистая трава,
Золотая рожь в колхозе,
Позолочена листва...

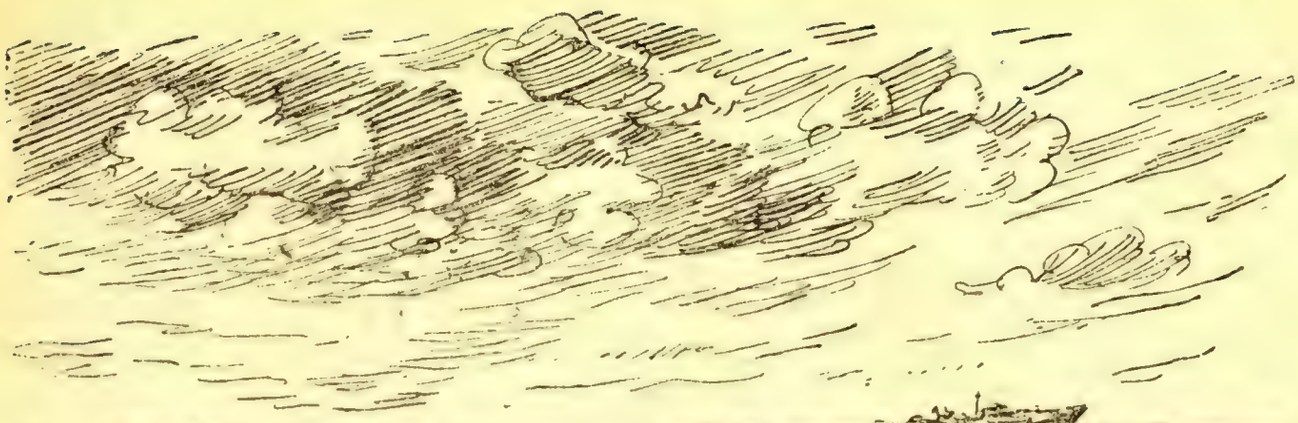
Утром холодно немного,
Осыпаются кусты.
Собираются в дорогу
Запоздавшие дрозды.

Что ж, счастливо в путь-дорожку,
Прилетайте к нам опять!
Мы колхозникам картошку
Помогаем убирать.

Возле пней растут опята,
Пахнет сыростью грибной...
— Где опята? Эй, ребята,
Принесём опят домой!

Кисти красные рябины
Из окошка манят нас,
Кисти красные рябины
Смотрят к нам в четвертый класс.

Листья по ветру летают,
Птицы двинулись в отлёт...
Здравствуй, осень золотая,
И учебный новый год!



ПОДВИГ ВОДОЛАЗА

Вл. Дроткевич *Рисунки В. Воловича*

I

На пристани собралась небольшая группа отдыхающих, которым предстояло из Ялты добираться до небольшого курортного городка катером.

Шкипером на катере был суетливый подвижной старик. Он торопился вытереть скамьи и закрепить тент. Когда всё было окончено, старик обратился к нам:

— Граждане, зараз отчаливаем.

Но это «зараз» продолжалось, по крайней мере, полчаса. Шкипер вытащил из ящика старый, погнутый, но начищенный до блеска пионерский горн и протрубил на всю набережную. Это означало первый гудок.

Через несколько минут он протрубил вторично и, убедившись, что пассажиры все на катере, крикнул мотористу:

— Малый вперёд!

Катер развернулся, обогнал волнолом и вышел в открытое море.

Погода была удивительно знойная. Особенно это чувствовалось под тентом: сверху пекло солнце, а внутри катера распространялся жар

от мотора. Я с завистью смотрел на деда, потом решил упросить его пустить меня на корму. Он это сделал довольно неохотно.

— Стой вот тут, на борт не садись. Вон в прошлом году один из ваших чуть не утонул.

Больше дед ничего не сказал до конца рейса, который продолжался не менее двух часов.

На пристани городка, как всегда, катер встретили босоногие мальчишки с удочками и связками рыбы и уже обжившиеся здесь курортники в майках и пёстрых тюбетейках.

Шкипер лихо отшвартовывал катер.

Рядом с нами оказался водолазный баркас с помпой и бухтами шлангов. Широкоплечий человек одевался в скафандр. Ему помогали четыре молодца.

Шкипер поклонился водолазу:

— Здравия желаю, Фрол Тимофеевич.

— Здравствуйте! Как плавалось?

— Ничего. Погода подходящая. А ты всё чистишь?

— Чищу. Вон какую груду собрал,— указал водолаз

На берегу была навалена куча тросов, обломки ржавого железа, какие-то стальные камеры, связки ботинок с гвоздями на подмётках.

Я понял, что всё это добро водолаз собрал на морском дне.

Выходя из катера, я спросил у шкипера, кто этот молодой моряк, надевающий скафандр.

Старик нахмурился, исподлобья глянул на меня и, видимо, ещё не зная, сердиться ему или удивляться, ответил:

— Это ведь Фрол Бушуев.

Откровенно говоря, мне ничего не говорила эта фамилия. Дед заметил моё замешательство, с пренебрежением ещё раз оглядел меня и сказал:

— Его все черноморцы знают, гражданин курортник.

После этого замечания мне ничего не оставалось сделать, как попрощаться с шкипером и уйти.

К удивлению, вечером я встретил старика в нашем санатории.

— Какими судьбами?— спросил я.

— А никакими, я ведь дома. Тут моя дочь — главный врач.

Мы разговорились. Он оказался значительно словоохотливей, чем утром.

— Когда я на вахте, лучше с посторонними вопросами ко мне не приставай, сердиться буду,— объяснил он.

Мы сели на скамью. Старик закурил.

Внизу, под нами, раскинулось море. Справа, на мысу, мелькал огонь маяка. С отмели доносились неясные крики; видимо, рыбаки вытаскивали сети.

Я вспомнил водолаза и спросил шкипера:

— Кто же этот Бушуев?

— Фрол-то? А вот сведу тебя к нему и спрашивай. Хотя не любит рассказывать он у меня.

— Почему у вас?

— А у кого же! Сын он мне или не сын?

— Тот водолаз, которого мы видели утром?

— Да, это мой старший. А младший — Костя, сейчас плавает штурманом на теплоходе «Родина».

— Расскажите о Фроле.

Дед помолчал, собираясь с мыслями, и начал:

II

Накануне прихода немцев старик Бушуев ушёл партизанить в горы. Старшему сыну его, Фролу, пришлось остаться, так как он только что начал поправляться после тяжёлой болезни. Жена Фрола также осталась.

Однажды в полдень к ним постучали. Жена открыла дверь. На пороге появился немецкий офицер и три солдата.

— Здесь живёт Бушуев?— спросил довольно чисто по-русски офицер.

— Здесь,— Фрол поднялся с постели.

— Имя и отчество?

— Фрол Тимофеевич.

— Беспартийный?

— Да.

Немец удовлетворённо мотнул головой и знаком приказал солдатам выйти из комнаты.

— Вы где работали?

— Это что, допрос?

— Нет, нет...— пытливо глядя на Фрола, ответил немец.— Это проверка некоторых данных о вас. Вы работали у капитана порта?

— Да.

— Сейчас, Фрол Тимофеевич, вы поедете со мной. По пути получите задание, которое нужно обязательно выполнить,— последние слова немец подчеркнул.

— Куда мы поедем?

— Этого пока я вам сказать не могу. Мы задержим вас всего на три-четыре часа.

— Да ведь он ещё не оправился после болезни,— вмешалась в разговор жена, желая этим доводом подействовать на немца.

— Не беспокойтесь, мадам,— учтиво сказал офицер.— Ничего страшного не произойдёт. Если ваш муж выполнит задание, он вернётся всеми уважаемым и богатым человеком. Пока мы просим его, но...

III

Фрола увезли на пристань, а оттуда на водолазном боте к месту гибели подводной лодки.

— Там, на дне моря, семьдесят лучших людей имперского флота,— сказал немец.— Вам выпала великая честь спасти этих людей.

— Но я ничего не смогу сделать. После болезни и я пяти минут не выдержу под водой.

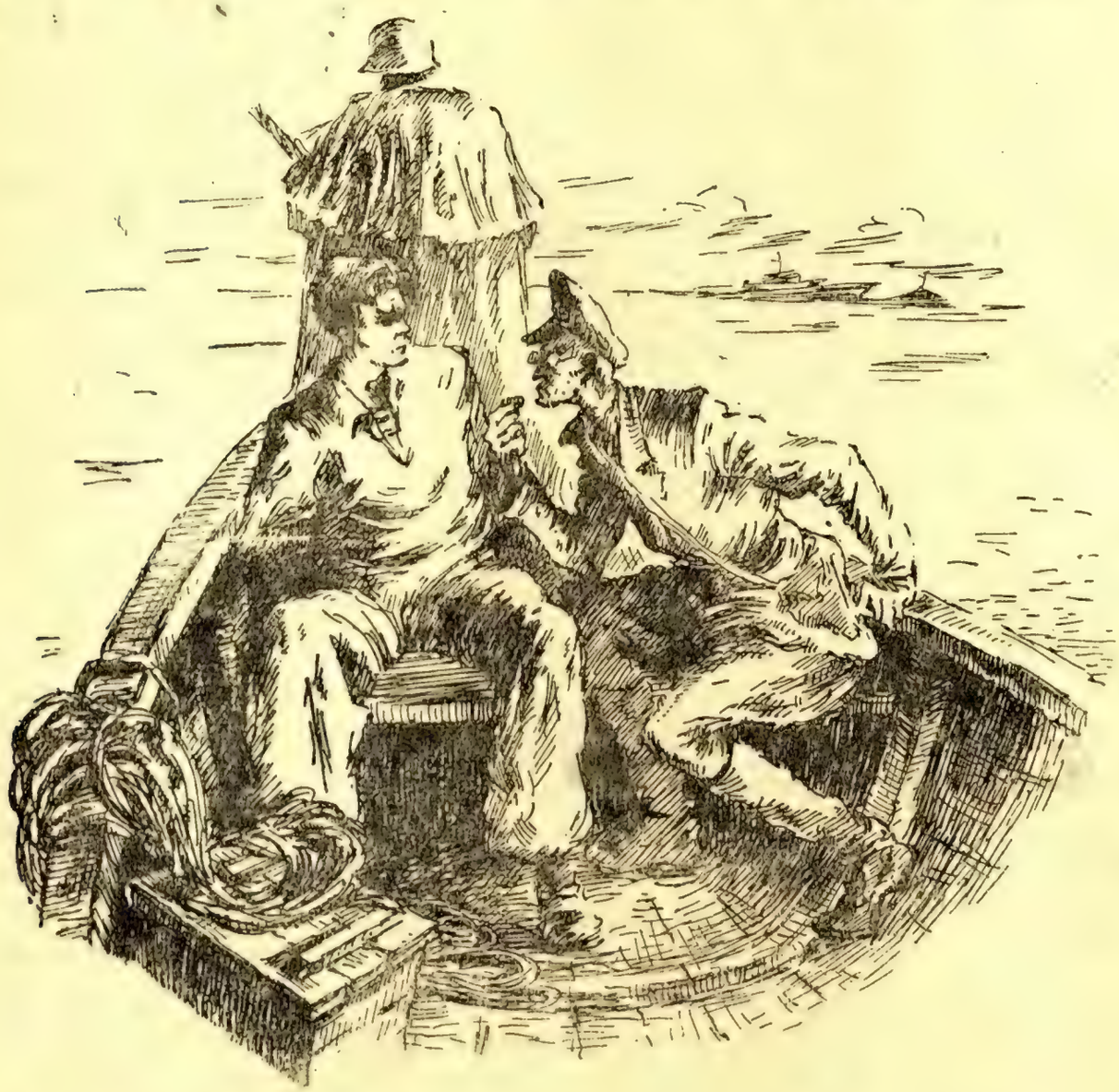
Немец нетерпеливо передёрнул плечами.

— Вы должны понять ответственность момента.

— Я понимаю, но вы не хотите понять, что не всегда можно выполнить требуемое.

— На вашем месте, Бушуев, следует быть сговорчивей. Хозяева

здесь мы, и мы требуем выполнения наших приказов. Семьдесят человек ждут помощи, может быть, у них иссякает воздух, а вы противитесь,—немец приблизил своё лицо к лицу Фрола.— Кроме того, нам известно, что вы участвовали в постановке минных полей. Это значит, вы боролись против нас. А всех, кто против нас, мы уничтожаем!



Фрол смотрел в море. Где-то там, далеко, за линией горизонта, ходят советские корабли. Имеет ли он право даже думать о спасении вражеской подводной лодки, которая потом будет топить эти корабли. Где же выход? Что делать?

— Одевайтесь!

Фрол оделся, решив, что там на дне обдумает всё.

Дневной свет смутно пробивался сквозь толщу воды. На дне моря всё знакомо и близко: замшелые камни, черные мидии, селящиеся

огромными семьями, водоросли и морская трава всех оттенков, голубые медузы, множество разных рыб.

— Что видите?— раздалось в телефоне.

— Ищу,— ответил он.

Внезапно перед ним возникла черная громада. Протерев носом вспотевшее стекло переднего иллюминатора, водолаз присмотрелся. Слегка накренившись на бок, лежала подводная лодка.

Он обошёл её со всех сторон, побывал под днищем и понял всё. Спасаясь от самолётов, лодка легла на грунт и вклинилась в гряду беспорядочных скал. Тщательно осмотрев место аварии, Фрол решил, что спасти подводную лодку можно, стоит лишь подорвать скалы.

«Жив ли экипаж?» — подумал Фрол. Поднял кремень, постучал по борту, затем приник к обшивке и стал прислушиваться. Внутри лодки послышались шорохи, шумы и совершенно отчётливо донеслись ответные удары.

Поспешно поднявшись на баркас, он доложил офицеру обо всём и заявил, что берётся спасти подводную лодку, если ему дадут ящик тола для взрыва скал.

— Ни минуты промедления!

Его взволнованный тон убедил немца. Он послал катер в гавань.

А Фрол тем временем отдыхал. Чувствуя во всем теле слабость, он очень боялся, что нехватит сил осуществить задуманный план.

Привезли два ящика с толом и электрический взрыватель. Фрол забрал их, прихватил топор и спустился на дно.

Ящики с зарядами оставил в стороне от подводной лодки, а сам приблизился к борту. Там за стальными листами обшивки ждут помощи семьдесят фашистов. Они топили советские корабли с воинами, ранеными, эвакуированными из Одессы, Севастополя, Феодосии. Семьдесят врагов, на совести которых тысячи смертей советских людей. Эти смерти обозначены белыми крестами на боевой рубке — число торпедированных кораблей. Можно ли простить это?

Фрол поднял камень, постучал по борту. Изнутри ответили дробным стуком.

— Живы.

Водолаз взял ящики с толом и пошёл к носу корабля, где, по его предположению, должны находиться запасные торпеды. Подложил ящик, присоединил провод к взрывателю.

— Потравите шланг! — весело приказал Фрол и начал подтягивать его к себе.

Когда собралось метров пятнадцать, он свернул шланг кольцом, взвалил на плечи и пошёл прочь от корабля, внимательно присматриваясь к морскому дну и течению, чтобы не сбиться, не потерять пути к берегу.

— Куда вы так далеко пошли?— послышался тревожный голос немца.

— Я остаюсь здесь, может быть, взрыв будет неудачен. Включайте батарею!

Бушуев выхватил из-за пояса топор и изо всей силы рубанул шланг. Ввысь хлынули пузыри. Зажав конец своего шланга, Фрол бросился бежать.

«Кажется, уже пора для взрыва. Но почему его нет? Может быть, немцы обо всём догадались?»

Но вот сзади тяжело и тупо ухнуло. Вода дёрнулась и повалила Фрола набок. Падая, он выпустил на миг шланг. Взметнулись воздушные пузыри, но Фрол подхватил шланг и побежал дальше.

Двигаться становилось труднее. Он отстегнул свинцовые грузы на спине и груди. Нажимал затылком на клапан в шлеме с осторожностью, чтобы не выпустить вместе с углекислотой ни грамма драгоценного кислорода. То и дело он туже свёртывал кольцо шланга, выжимая из него остатки воздуха. Скафандр обмяк. Дышалось тяжело. Кружилась голова...

Минуты казались часами. В шланге иссяк воздух. Чтобы не тащить лишний груз, Фрол отсёк остатки шланга. Теперь ему оставалось жить столько времени, на сколько хватит кислорода в шлеме, в складках обмякшего скафандра.

Водолаз упал на колени, тяжело поднялся, снова упал, закрыл глаза. Но разве всё он исчерпал в борьбе за жизнь? Ведь ещё есть воздух. Нужно идти дальше. Он поднялся и пошёл. И вот над головой вода стала светлеть. Значит, сейчас будет берег. Фрол сделал последнее усилие и рванулся вперёд. Ослепительно сверкнуло солнце. Фрол, шатаясь, выбрался из воды, полоснул ножом скафандр и, обессиленный, опустился на горячий песок.

ПОДРОСТОК

Л. Носов *Рисунки И. Селиванова*

Коленчатый вал, закреплённый в станке,
Вращается и блестит.
И в белой эмульсии, как в молоке,
Стружка, крутясь, шелестит.

Веснущатый парень с кудряшкой на лбу,
С искорками в глазах,
Крутит мерительную скобу
Войдя в трудовой азарт.

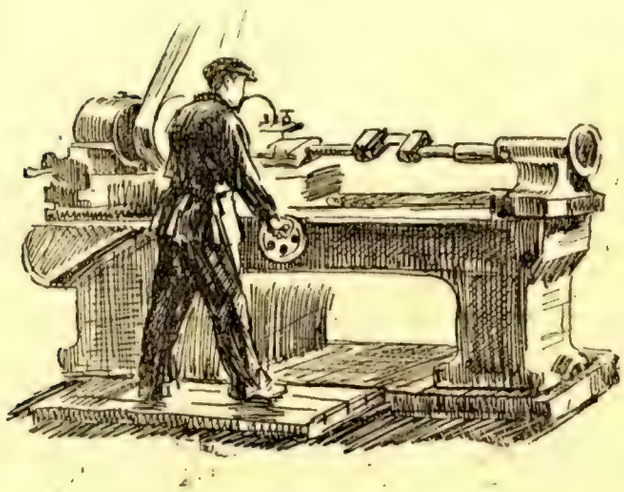
Подростку хочется поскорей
Работе дать полный ход,
Догнать прославленных токарей
И вместе идти вперёд.

Вращаясь, заметно светлеет вал,
Следит за резцом паренёк.
Немало он этих резцов сломал
Осваивая станок.

На каждой поломке учился он,
На каждом просчёте рос,
Обдумывал дело со всех сторон,
Придя на рабочий пост.

В упорном труде, не считая дней,
Он гордо стоит за станком.
И рукава его — выше локтей,
И кепка — вверх козырьком.

На сборку моторов валы пойдут,
На тракторы и — на простор!
И как не любить паренька за труд,
За юношеский задор.



Мы всё узнаем

К. Махров

Рисунок Е. Гилёвой

Хорошо идти осенним погожим днём из школы! Воздух, посеребрённый первым морозцем, придаёт бодрость. Ясное небо, словно раздвинутое солнечным светом, ласкает синевой.

Федю Муганцева радовало, что во всём этом огромном мире, раскинувшемся сейчас перед его глазами, сегодня ещё многое стало ему понятным. Вот железнодорожный мост, перекинутый через реку,— этакая махина! А фермы его — на одном конце каждая — установлены на роликах, на таких маленьких колёсиках. Вот железнодорожные рельсы. Они положены не вплотную друг к другу. Как хорошо говорил сегодня Василий Петрович об этом на уроке! От нагревания тела расширяются, от охлаждения сжимаются... Люди, зная этот закон, в технике, в быту делают очень многое. Вот почему и ролики под фермами, вот почему и рельсы не пригнаны друг к другу.

...Отец сидел за столом и читал книгу, когда Федя вошёл в его комнату. Федя с увлечением рассказал ему, как интересно было слушать объяснение Василия Петровича о тепловом расширении тел.

— Это верно... Тела расширяются...— сказал Павел Семёнович тихонько.— А вот это как получается?— он показал на чугунные фигурки.

На столе, на комоде стояли отлитые из чугуна богатыри-красноармейцы, кони с лихими наездниками.

— Видишь? Из чугуна очень удобно отливать даже самые сложные фигуры. Чугун, когда он остывает, расширяется.

— То-есть, уменьшается?— спросил Федя.

— Нет, расширяется, увеличивается. И при этом он заполняет мельчайшие углубления в литейных формах и даёт тонкие узоры.

— Как же это так?! — воскликнул удивлённый Федя.

— Вот так... В то время, когда чугун охлаждается, атомы его не только не стремятся сблизиться, а, наоборот, всё дальше отходят друг от друга...

Федя был изумлён. Хмуро сдвинув брови, крепко закусив нижнюю губу, он напряжённо думал.

— Ты занят, папа,— сказал он, поднявшись.— Я пойду...

Федя сел выполнять уроки. Хотел было писать, а чернильница оказалась пустой. Чернила стояли в сенях. Федя вышел и видит: чернила замёрзли и бутылку разорвало.— Это интересно,— поразился он.— Вода замёрзла: значит, её, замёрзшей, то-есть льда, должно быть меньше по объёму. А почему разорвало? Наверно, потому, что льда стало больше. Но ведь... при охлаждении тела сжимаются? Папа говорил о чугуне...

Он долго стоял перед лопнувшей бутылкой, стараясь объяснить себе, почему это произошло. И так ничего не объяснил. «Надо проверить... проверить всё самому»,— вспыхнуло в нём желание. Приготовив уроки, он спустился в погреб, принёс кусок льда, придал ему форму кубика и, измерив, расколол на мелкие части и бросил их в мензурку.

Постепенно лёд растаял. Сначала воды в мензурке было столько, сколько и должно было быть по вычислению объёма ледяного кубика. Когда же мензурка постояла некоторое время в тёплой комнате и вода стала нагреваться, её стало меньше.

— Не понимаю... Как же это так?— недоумевал Федя.— Бутылку лёд разорвал на холоде, а согретая вода — уменьшилась. Это же противоречит закону.

На этом наблюдения Феди были прерваны: ему надо было идти колоть дрова.

Когда он вернулся в комнату, воды в мензурке стало больше, чем полагалось по объёму льда, больше, чем её было, когда он пошёл колоть дрова.

— Что за чудеса... Да так ли я записал? Так... Всё так.

«Значит, я неправильно понял Василия Петровича»,— подумал Федя и раскрыл учебник. Перечитал всё, что изучали о теплоте. Нет, он

всё понимал верно. А как же вода, лёд, чугун? Не сбегать ли к Василию Петровичу? «Нет, погоди. Ещё раз проверь. Проделай всё ещё раз»,— сказал он себе.

На другой день Федя искал в школе Василия Петровича, но его не было весь день. «Хорошо,— решил Федя,— попробую сам».

Дома повторил вчерашние опыты. Результат получился тот же. На мгновение бурно забилось сердце: Федя подумал, что нашёл что-то своё, новое, пусть даже идущее вразрез с законами физики, но своё, он сам нашёл, ученик седьмого класса.

Вскоре сомнения снова охватили Федю.

...Прошло несколько дней. Сегодня — контрольная по физике. С тягостным чувством неуверенности шёл Федя в физический кабинет. Он написал на первой странице: «Все тела от нагревания расширяются, а от охлаждения...» И не мог писать дальше.

— Что не пишешь?— спросил его тихонько Саша Мартынов.

— Да так... Всё перепуталось в голове...

Не писать нельзя. И он принялся писать о чугуне, о льде, о воде, высказав в конце предположение, что все тела имеют свои законы теплового расширения, а какие,— он не знал. Получилось довольно путано и туманно.

Василий Петрович, заметив взволнованное лицо Феди, подошёл и сказал:

— Ну, зачем ты пишешь об этом? О воде, например? Мы ещё это не проходили. Смотри-ка, напутал... Вот вначале ты всё написал верно...

Федя переписал работу и сдал её.

Домой он шёл, мрачный, недовольный. Работа получилась маленькая, содержанием небогатая, и Василий Петрович, наверно, поставит «два», в лучшем случае — «три».

* * *

Через несколько дней Василий Петрович объяснял на уроке особенности теплового расширения воды.

Федя слушал, затаив дыхание. Это было то самое, что так интересовало его, что объясняло загадочное поведение воды.

Лёд — это мириады твёрдых кристалликов — крошечек воды. Когда он тает, кристаллики разрушаются, получается вода. И пока вода нагревается до четырёх градусов, происходит сближение молекул — очень-очень маленьких частичек воды, и потому объём воды уменьшает-

ся,— что и было в Фединой мензурке, когда лёд только что растаял и вода начала нагреваться. Но если вода нагревается и дальше, то молекулы её приходят в сильное движение; они сталкиваются друг с другом, отталкиваются друг от друга, расстояние между ними увеличивается и увеличивается объём воды... Вот почему и в Фединой мензурке стало воды больше, когда она хорошо нагрелась.

Всё это было необыкновенно интересно.

Феде казалось, что Василий Петрович узнал все его мысли и, желая убедить, что он, Федя, прав, что все его наблюдения верны, нарочно говорит об этом. Ну, конечно, Федя не видел молекул, но каждое слово Василия Петровича подтверждало правильность Фединых открытий и рассеивало его сомнения. Федя слушал и еле сдерживался, чтобы не крикнуть на весь класс:

— Правильно! Я так же думал!

И о чугуне, о висмуте и сурьме, о галлии и льде говорил Василий Петрович, об удивительном свойстве их атомов и молекул при охлаждении не сближаться, а отходить друг от друга.

— А почему, почему это?— поднял руку Федя.

— Это ещё не выяснено; наши учёные работают над тем, чтобы окончательно выяснить, почему это происходит. Кто знает, может быть вы сами, когда подрастёте и будете учёными, ответите на этот вопрос, как уже ответили на многие, многие вопросы наши советские учёные.

— Ну, к тому времени уже всё будет открыто,— сказал Саша Мартынов.

— Не беспокойтесь, хватит и на вас, ребята. Вот я прочитал контрольную работу Феди Муганцева. Хорошая работа! Зря Федя волновался. И знаете, что мне больше всего понравилось в его работе? Это — своя мысль, пытливость. В его работе есть немало интересных иллюстраций к закону о тепловом расширении тел.

— Василий Петрович! Василий Петрович! — встал из-за парты Федя.— Вот всё, что вы сейчас говорили о воде, я это.. я это... сам открыл!

— Как сам открыл?

— Расскажи, расскажи! — зашумели ребята.

— А вот: началось с бутылки чернил...

Федя, волнуясь, рассказал о своих наблюдениях, о своих опытах и выводах.

— Это хорошо,— сказал учитель.— Понимаете, ребята, как это хорошо! Человек увидел в природе что-то непонятное, загадочное. И вот— бьётся над разгадкой. Это же творчество

Глаза ребят светились огоньками радости, той хорошей тёплой радости, которая бывает у ребят, когда они радуются за своего товарища, когда у них загорается желание самим делать так же.

Василий Петрович это видел, и это особенно радовало его.

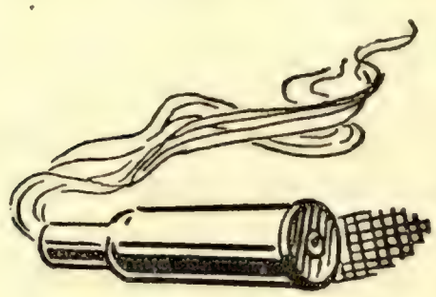
— Да, ребята, это хорошо,— сказал он,— хорошо, что у вас есть своя пытливая мысль. А что касается того, что «к тому времени уже всё будет открыто» — не беспокойтесь! Хватит и на вас... И, может быть, самые высокие вершины науки, самые неприступные её крепости придётся брать вам.

— Ну и что же! И возьмём! — раздались задорные голоса.

Борис Раевский *Рисунки М. Щировского*

Кончалась ночь. Редел туман.
На Грамосе, в ущелье горном,
Семнадцать греков-партизан
Дрались с фашистами упорно.
Но всё тесней врагов кольцо,
И пал последний из бойцов.
Тогда к убитому бойцу
Подполз мальчишка из обоза,
И заглянул в глаза отцу,
И рядом лёг, и вытер слёзы.
Винтовку взял из мёртвых рук,
И снял с убитого патроны:
Их было пять, всего пять штук,
На крайний случай припасённых.
— Четыре — пусть получит враг,
Один — себе! — решил мальчишка.
И в школьных играх было так,
И так всегда писали в книжках
И повторял не раз отец,
Что не сдаётся в плен боец.
И он приклад сильней прижал,
Как обучал отец когда-то,

Прицелился и наповал
Убил фашистского солдата.
И сразу рявкнули кусты,
И слева выстрелы, и справа
И напролом из темноты
К нему рванулась вся орава.
Опять стреляет он. Опять.
И снова прокатился выстрел...
Патронов было только пять,
Он четырёх свалил фашистов,
А пятый — для себя патрон! —
Так он читал когда-то в книжках,
Но шли враги со всех сторон,
И цель так близко видел он,
Что снова выстрелил мальчишка.
И пятый вражеский солдат
Упал, роняя автомат.
Но повторял не раз отец,
И твёрдо помнил юный воин,
Что не сдаётся в плен боец,
Что умирает он героем.
И он вскочил и крикнул:
— Взвод! В штыки ударим! Смерть бандитам!
Три шага пробежал вперёд,
И рухнул, пулями пробитый.
Погиб мальчишка, как герой,
Но он в народе жив, ребята!
Шагают в бой,
Шагают в бой
Свободной Греции солдаты!



Л. Фёдоров *Рисунки В. Воловича*

Долго я собирался побывать у Пахомыча на Чёрном озере, но по разным причинам откладывал это посещение. Наконец, однажды, вскинув за плечи ружьё и сумку, я отправился в путь.

Лет десять тому назад на Чёрном озере, затерявшемся в болотистых прикамских лесах, местный союз охотников организовал свою базу, выстроив избушку, где можно было обсушиться и напиться чаю. Сторожем был нанят охотник из села Ёршовки старик Лука Пахомыч Бабин.

Ходили туда охотники зимой за белкой и косачами да изредка с облавой на волков. В остальное время Пахомыч почти не видел людей.

Я с ним ещё не встречался, но из рассказов слышал, что был он человек спокойный, с своеобразным пытливым умом и юмором, присущим простому русскому человеку.

Встретил он меня радостно.

— И-и, милый! Раздевайся живее да садись к огню, а я самовар поставлю.

Через несколько минут самовар весело зашумел. В избушке стало тепло и уютно, сильнее запахло полынью и мятой, пучки которых висели на стенах.

Только за столом я смог внимательно рассмотреть старика. Большая чёрная с проседью борода, закрывающая всю нижнюю часть лица, густые лохматые брови и подстриженные в скобку волосы придавали ему довольно мрачный вид. Но это впечатление быстро рассеивалось при виде его глаз. Светлокарие, по-юношески чистые, они то удивлённо раскрывались, то суживались от сдерживаемого смеха.

— Одиннадцатый год, голубь, вот так живу,— говорил он, прихлёбывая чай из блюдечка,— и ничего. Дело своё маленькое делаю, лес и зверя охраняю! — Он поднял указательный палец и, почему-то перейдя на шопот, таинственно сообщил: — У меня тут в одной болотине восемь сохатых живут, бить их никому не позволяю, ну и зверь это чувствует, никуда не уходит!

Я удивился: давно уже в наших местах не было слышно про лосей, а тут почти под боком целое стадо живёт!

— Прибежали, должно быть, откуда,— продолжал Пахомыч.— Сперва двое пришло, от них молодые пошли, а летом ещё один старый сохач появился. Ничего, приняли его, живут табунком. Я им каждый год сена накашиваю, вот они зимой-то у стогов и кормятся, меня знают, не пугаются. Один-то сохатый, Мишкой его зову, тот сам на зов бежит и хлеб из рук ест.

Долго мы с ним просидели, уничтожая чай стакан за стаканом. Наконец, Пахомыч перевернул стакан вверх дном и заявил:

— Ну, будет, а ты голубь, спи-ко, сиверко задул, завтра вёдро будет,— поплаваем по озеру, уток нынче много.

...Чернота осенней ночи едва начала бледнеть, когда Пахомыч разбудил меня.

— Вставай с постели — пироги поспели,— весело крикнул он,— вставай, голубь, самая пора на озеро идти!

Я быстро оделся, и мы вышли из избушки. Сразу же за порогом меня охватило утренней сыростью. Всё кругом было затянуто влажным холодным туманом, сквозь который тускло маячили тёмные силуэты осин и берёз.

Лёгкая лодочка заскользила по гладкой поверхности озера. Под её узким дном мягко хрустел смятый камыш. Где-то рядом, в осоке, раздавалось чавканье и довольное покрякивание жирующих уток.

Начался рассвет. Тёмное небо постепенно серело, сквозь разрывы тумана на востоке, над вершинами сосен, появилась бледная серебристая полоска, делавшаяся всё шире и ярче.

Первый открыл охоту Пахомыч. От его выстрела камнем упал, разбрызгивая воду, вылетевший слева от нас шилохвост. Грохот выстрела

разбудил озеро. С испуганным кряканьем заносились над камышом кряквы и чирки. Выстрел следовал за выстрелом. Охотничий азарт овладел мной. Пахомыч же, сделав первый выстрел и вытащив своего шилохвоста, наблюдал за моей стрельбой.

— Ну, будет. Всех уток не возьмёшь! — заявил он, наконец.— Солнышко-то, вон, уже взошло.

Мы подобрали добычу и поплыли к берегу. Серый сумрак сменился солнечным утром. Ослепительно голубое, без единого облачка небо окрасилось нежными красками с преобладанием розовых и золотых оттенков. Огромный огненный шар медленно выплыл из-за вершин сосен, и сразу всё засверкало и ожило. Туман рассеялся, и только обрывки его, застрявшие на берегу между деревьями, быстро таяли под солнечными лучами. Над озером засновали серебристые стрекозы. Где-то вдалеке, за лесом, закурлыкали журавли. Ожило озеро, и лес наполнился птичьими голосами.

— Красота-то какая! — охнул Пахомыч.— Гляди, голубь, солнышкото как на воде играет. А вон! Да сюда гляди, сюда! Вишь, рябина-то разукрасилась, как девка в праздник.

И, покрутив головой, уверенно сказал:

— Да!.. Нету на свете лесов краше наших, особливо осенью!

Я стал частым гостем на Чёрном озере.

Постепенно у нас с Пахомычем установились дружеские отношения. Меня тянуло к нему его глубокое знание жизни леса. Старика же привлекала моя страсть к охоте и то внимание, с которым я слушал его рассказы. И он терпеливо, подолгу учил меня разгадыванию сложных следов, знакомил с повадками лесных обитателей, или, набрав охапку трав, часами объяснял их названия и свойства.

— Вот смотри. Оно как бы и никудышный цветок, на болоте его сколько хочешь набрать можно, а тоже человеку годится. Череда это. Видишь, сам жёлтый, а настой его пьют от желтухи. А ещё краску добывают. Бабы ею холсты красят! А это, вот, Иван-чай, вместо фамильного идёт. Опять же, пчелы его любят, у пасек его садят!

Да ты, голубь, любую травку возьми, или там дерево, кустарник какой. С умом да понятием из всего человек пользу получит. Лес да вода,— это, брат ты мой,— корень всего. Ты вот хоть меня возьми: изба — из сосны, плошка, ложка — из осины, да куда ни сунься,— всё дерево идёт. Ем птицу, да мясо откуда беру? Из леса! Рыбу — из озера! Грибы, ягоды там разные — в лесу собираю! Шапка на мне заячья, а заяц-то тоже из леса добыт. Вот и выходит, голубь, лес-то нас и поит и кормит, одевает и обувает! И должен ты его любить и беречь! А чтобы его полюбить,

надо его понять! А для этого тебе и глаза даны да смекалка! Ты, главное, старайся всё примечать! В лесу глаз острый нужен! Вот, смотри, капалуху кто-то распотрошил, перьев-то сколько надёргано. Кому быть это? Куница или хорёк, те разбойничают чисто. Кровь выпьют, поедят сколько, а остальное припрячут. Лиса это! Вишь, и кости-то все перегрызла!

Показать лосей старик, однако, долго и упорно отказывался.

— Пугливые они, голубь, ко мне-то привыкли, а чужого забоятся!

Я уже начал терять надежду увидеть этих лесных красавцев, знакомых мне только по картинкам. Но раз Пахомыч, кончив тесать весло и воткнув топор в пень, выпрямился и, стряхнув с колен землю, отрывисто бросил:

— Ну, ладно! Покажу тебе сохатых, только ты, парень, иди за мной тихо, не шуми, а то спугнёшь. Да ружьё-то в избе оставь, а то, упаси бог, пальнёшь сдуру, уйдёт все! А главное,— и он погрозил мне,— в городе охотникам не вздумай сказать про них!

Набив сумку аккуратно нарезанными ломтями хлеба, Пахомыч повёл меня по заросшему корявой ольхой и осиной болоту.

Идти было трудно. Через час ходьбы с меня градом лил пот. Пахомыч явно хитрил, кружил по болоту и не желал показать мне прямой путь.

Наконец, под ногами оказалась твёрдая земля, буйно заросшая сочной травой, с белеющими розетками ромашки и синими колокольчиками. Это оказался небольшой островок среди болота, с парой густых ёлок, с ветвей которых свешивались седые мохнатые лишайники. А кругом, куда ни хватал взгляд,— всюду ольха и болото. Лучшего места для лосей найти было трудно!

— Ну, голубь, сейчас соберём сохатых, ты только стой около меня и не шуми!

Пахомыч засвистел тонко с небольшими перерывами.

Где-то хрустнула ветка, послышалось чавканье болотной грязи и неожиданно, раздвигая кусты крупным телом, на поляну вышел могучий лось.

Осторожно, шумно втягивая и выдыхая воздух огромными ноздрями, он медленно подходил к старику.

— Миша! Миша! — ласково позвал Пахомыч. И зверь, подойдя вплотную, громко фыркнул, обдав наши лица лёгкими брызгами. Признаться, мне стало не по себе, и я осторожно передвинулся за старика.

Что-то тихо бормоча в бороду, Пахомыч гладил одной рукой шею сохатого, а другой протянул ему ломоть хлеба. Смешно шевеля толстой верхней губой, Мишка начал быстро жевать.

— Дай ему кусок! — шопотом сказал Пахомыч. Я вытащил из сумки ломоть и протянул лосю. Недоверчиво, косясь на меня большим тёмным глазом, он потянулся к моей руке и тёплыми влажными губами взял хлеб.

Дав ему ещё ломоть, Пахомыч снова засвистел, собирая своё стадо.

С хрустом и фырканьем из зарослей ольхи появились остальные сохатые.

— Ну, голубь, за такое стадо в колхозе скажут мне спасибо? — весело сказал старик и, погладив по морде Мишку, забросил ему на шею лёгкий поводок.

И вот огромный зверь, одним ударом рога способный расплющить человека, послушно пошёл за ним.

Сделав несколько кругов, сияя от радости, Пахомыч остановился возле меня.

— Во! Видал! — многозначительно сказал он и, сняв поводок с сохатого, хлопнул его ладонью по крупу.

Обратно мы шли, провожаемые Мишкой. Он поминутно подталкивал своей несуразной мордой старика, принюхиваясь к пустой сумке.

* * *

Когда начали осыпаться меднокрасные листья осины и утренние туманы всё чаще и чаще стали накрывать озёра, я простился с Пахомычем. Через неделю я должен был ехать в Свердловск продолжать учение.

* * *

Прошло несколько лет. Случай снова привёл меня на Чёрное озеро.

С глубоким волнением проходил я по знакомым местам. На диком, безлюдном месте, каким был район озера в годы моей юности, ключом била творческая деятельность человека. На высоком берегу появились светлые просторные здания лабораторий, где учёные решали вопросы переделки природы на благо и счастье человека.

Я плохо слушал объяснения сопровождавшего меня старшего лаборанта-биолога Павла Ивановича. На языке неотвязно вертелся мучивший меня вопрос, задать который я, однако, не решался.

Но когда мы стали подходить к избушке Пахомыча и на её пороге я увидел сидящего старика, я не выдержал и бросился к нему.

Да, это был Пахомыч! Всё тот же, но постаревший и белый, как лунь.

В первый момент он не узнал меня.

— Кто, говоришь? Да поди ты! Неужели ты? Ах, голубь ты мой, вспомнил старика! — Старческими, с синими жилками руками он схватил меня за плечи и крепко прижал к себе.

— Вот удружил! А я тебя частенько вспоминаю! Очки надел! Глаза, что ли, попортил? Науку мою не забыл? Ну, ну, молодец! Ружьё-то сейчас доброе имеешь? Нет? Всё старым обходишься? Да оно, к примеру сказать, старое-то твоё ружьё, неплохое было, прямо скажу, верное ружьё! — Он вытер рукавом глаза и продолжал:

— Вон и у тебя седина появилась. Наверное, жена, дети есть? Ну, ну, время-то как идёт! Давно ли с тобой охотничали вместе? Давай-ко, голубь, в избу пойдём, вишь, солнышко-то уж закатилось, холодком с озера потянуло, а я сейчас, по-стариковски, тепло уважаю!

В эту ночь нам не пришлось уснуть. Лежа на полатях, мы проговорили с ним до рассвета.

— Тут, брат ты мой, такие дела сейчас завернули, прямо академия настоящая! — говорил Пахомыч.— С лосями дело идёт, ну скажи, как по маслу! Двадцать восемь голов имеем! Двух сохатых в соседний район отдали, тоже питомник заводят. Мишка? А тут он, голубь, со мной, тоже стар стал. Я-то? При лосях я, досматриваю, чтобы порядок был. Лоси-то? Они сейчас все ручные, в стойлах ночуют, летом пасутся в болотине, а зимой от стойла ни на шаг!

Народ видит, дело большое, государственное делаем, ну и помогает нам, а заодно и учится у нас. Да вот, к примеру. Ты наших деревенских уток видал? У нас их много разводили, вода ведь кругом, птице раздолье.

А сейчас здесь вывели новую породу, из кряквы... Утка крупная, не чета домашней! Сейчас в колхозах старых уток не осталось, новые табуны развели.

Лесом проходил? Видел? Всё не тронуто стоит. Берегут крепко. А птицы развелось! Эх, голубь, мне бы годов сорок с плеч скинуть, самый интерес сейчас у меня к жизни проявился! Ты не смотри, что я старый, раз я всю эту красоту да труд человеческий уважаю и люблю,— значит, и душа у меня молодая! Вот и у тебя, голубь, сердце горячее, любишь ты крепко, я знаю, и лес и птицу, солнце и травку. И вот тебе мой наказ крепкий: сохрани ты эту привязанность до конца жизни и старайся, чтобы красота эта на пользу человеку шла. Это, голубь ты мой, самое главное. И дети твои и внуки большое спасибо тебе за это скажут!

Три дня прожил я в заповеднике и за это время познакомился с огромной работой, которую вёл его коллектив.

С палубы парохода, увозившего меня домой, я долго рассматривал затянутые синеватой дымкой закамские леса, где советские люди, не дожидаясь милостей от природы, смело покоряют и переделывают её.

От парохода разбегались поднятые колёсами волны, заливая песчаную отмель и вспугивая стаи куличков. Рядом с пароходом, касаясь острым крылом волн, вились белые чайки.

«Люби, уважай красоту и труд человеческий»,— вспомнились мне слова Пахомыча.

Первый медведь

А. Перегудов *Рисунки В. Воловича*

1

Все сидящие в зрительном зале посматривали на Петьку, перешёптывались, и Петька чувствовал себя героем. «Наверное, механик сказал им»,— думал он и, делая вид, что ничего не замечает, разговаривал с Николаем Степановичем.

— Жаль, отец не увидит: не мог сегодня приехать.

— Ничего, мы ему потом покажем.

— После кино к нам поедем?

— Обязательно.

2

В глухом лесу Егор Савельевич Топоров нашёл берлогу и прежде всего известил об этом Бориса Сергеевича. Готовясь к охоте, Егор Савельевич набивал патроны жакановскими пулями, точил большой широкий нож и рассказывал сыну:

— Мы с инженером на фронте в одной части были, жили душа в душу. Земляками оказались: оба уральцы, оба охотники... А когда он узнал, что я на медведей хожу,— ну, прямо костром вспыхнул. «Вот,— говорит,— закончится война, и я к тебе непременно за медведем приеду...»

— Думаешь, приедет? — спрашивал Петька.

— Борис Сергеевич-то?.. Будь покоен. Он сейчас опять в Свердловске работает,— это не за тридевять земель...

Все эти дни парнишка не отходил от отца и думал: «Возьмёт меня отец на охоту или не возьмёт?»

Без отца Петька впервые взял ружьё и в последний военный год даже ходил с охотниками белковать. Привыкнув к самостоятельности, Петька считал себя хозяином в доме. Егор Савельевич, вернувшись из армии, с удивлением глянул на сына: — «Смотри, совсем большим стал». Но место хозяина в семье занял отец. Петька уже не мог брать ружьё без спроса.

Ответная телеграмма — «Приедем субботу, встречай» — обрадовала Топорова:

— Вот видишь: прикатит. Стало быть, завтра ехать тебе на станцию. Буланку запрягай в розвальни. Пишет «приедем», — значит, не один... А в розвальни побольше сена положи, чтобы теплей и мягче сидеть было.

— А меня на охоту возьмёте? — спросил Петька.

— Те-бя?..— Егор Савельевич посмотрел на сына так, как будто Петьке было не пятнадцать, а восемь лет.— Очень хорошо тебе дома сидеть.

— Это почему же? — осмелился возразить Петька.— Я белок бил без промаха, кого хочешь спроси...

Отец взъерошил волосы сына и ласково сказал:

— Медведь — не белка!..

Сын обиделся и до ночи был хмур и молчалив. Ночью, ворочаясь на печи, с горечью думал: «Всё ещё махоньким считают, а кто за войну в доме хозяином был?.. Без меня бы матери трудно было. Петька дрова вози, воду таскай, Петька за скотиной ходи, а как на охоту — Петька дома сиди. Ловко получается!..»

Проснулся Петька от того, что отец тронул его за ногу и сказал:

— Вставай, на станцию собираться пора.

Сын, не торопясь, умылся, оделся и вышел во двор.

Над крышами дворовых построек разгоралась малиновая заря. Старую рябину у погреба густо опушил иней, казавшийся в свете зари розовым. Остроухая лайка Выкса, радостно повизгивая, бросилась к Петьке, но он хмуро посмотрел на неё и, не обласкав, пошёл в сарай за сеном. Буланка встретила его тихим ржанием и потянулась к сену.

— Балуй! — сурово прикрикнул на неё Петька.— Ишь, тебе не стоится.

3

Мороз был крепкий и, дожидаясь прихода поезда, Петька два раза ходил на станцию греться. Посматривая в окно на привязанную к телеграфному столбу лошадь, думал о гостях и предстоящей охоте. Ему представлялось, как он с отцом и гостями сидит за столом, мать хлопочет у пылающей печки и, радушно улыбаясь, подаёт на стол солянку и лепёшки. Разговор идёт о берлоге и о разных охотничьих приключениях. Об этом было приятно думать, но обидой наполнилось сердце, когда вспомнились слова отца: «Медведь — не белка».

Горячий паровоз окутал платформу тёплым паром, заскрежетав тормозами, остановились вагоны. Петька стоял у розвальней, не спуская взгляда со ступеней, по которым сходили с платформы приехавшие. Ни у одного из них он не заметил ружья и начал уже беспокоиться: «Неужели не приехали?».

Последним вышел молодой человек в дублёной куртке, в высоких белых бурках и меховой пушистой шапке. В правой руке он держал чёрный квадратный ящик, а в левой — жёлтые палки, стянутые ремешками. Он подошёл к розвальням и спросил:

— Это не Топорова лошадь?

— Топорова, за вами,— ответил Петька и вежливо осведомился:— А вы Борис Сергеич будете?

— Нет, я — Николай Степанович. Бориса Сергеевича дела задержали, не приехал.

Гость поставил ящик в розвальни, положил палки, которые оказались треножником, снял со спины туго набитый рюкзак. Петька отвязал лошадь, подгрёб гостю сена:

— Вот сюда садитесь, помягче будет.

— Далеко нам ехать? — спросил Николай Степанович, располагаясь в санях.

— Пустяки, километров двенадцать. Живо докатим.

Гость оказался разговорчивым и, узнав, что Петька — сын Топорова, с любопытством расспрашивал, много ли на своём веку отец убил медведей, далеко ли от деревни берлога. Потом рассказал, как он охотился в Уссурийском крае на кабанов, путешествовал по Камчатке и плавал в Северном Ледовитом океане.

«Вот это, видать, охотник,— думал Петька.— Везде побывал...» Разговаривая с гостем, он часто посматривал на ящик. Для ружья он был и высок и короток. «Может, какой особой системы ружьё, вроде пулемёта, к подставке привинчивается...»

4

Всё было так, как представлял себе Петька. Он, отец и Николай Степанович сидели за столом. Мать хлопотала у печки над солянкой и горячими лепёшками. Гость угощал хозяина колбасой, консервами, сладкой наливкой. И разговор шёл об охоте... Выяснилось, что Николай Степанович — не охотник, а оператор, и приехал снимать охоту на медведя для киножурнала.

Петька смотрел на гостя широко раскрытыми глазами: люди на охоту с ружьями ходят, а он — с аппаратом. Нестерпимо хотелось посмотреть, как Николай Степанович будет «снимать картину».

Отец был опечален тем, что не приехал Борис Сергеевич, и идти на медведя в одиночку не решался. Он раздумчиво качал головой и разводил руками:

— Ну, посудите сами: как же идти? Ведь это дело — не шутка. Мало ли что может случиться.

— Да ведь вы ходили в одиночку,— говорил оператор и с беспокойством заглядывал в глаза хозяина: неужели понапрасну приехал.

— Ходил, да не к берлоге... Тут обязательно вдвоём надо. Бывает, не сразу медведь вылезет; один тревожит, а другой — с ружьём наготове.

— А если из охотников кого-нибудь пригласить?

— И пригласить кого, не знаю...

Петька понимал: отец не хочет брать чужого. «А я будто не охотник?» — хотелось сказать ему, но опасался, как бы отец не пристыдил.

— Как же быть-то? О расходах не беспокойтесь, кинофабрика вам всё оплатит...

Топоров подумал, потом пристукнул ладонью о стол:

— Ладно!.. Схожу к Якову Супрягину, поговорю с ним.

— Супрягин к сестре на свадьбу уехал,— отозвалась мать, мешая кочергой прогоравшие дрова в печи и морщась от жара.

— Уехал! — живо отозвался Петька.— Это я точно знаю.

Отец снова покачал головой, посмотрел в озабоченное лицо гостя, взглянул на сына и прищурил глаза:

— Ну, охотник, придётся тебе идти с нами. Но смотри в оба!

Петька заёрзал на лавке:

— Да я... Да кого хочешь спроси — белок без промаха...

— Беги к Супрягиным, попроси у тётки Домны ружьё на денёк.

Петьку словно ветром вынесло из-за стола.

5

Шли на лыжах. Первым — Егор Савельевич, за ним — оператор и сзади — Петька. За спиной оператора на широком ремне висел чёрный ящик, за плечами Петьки торчало супрягинское ружьё, заряжённое жакановскими пулями, а подмышкой он держал треножник. Изредка Николай Степанович оборачивался и подмигивал, нето ободряя Петьку, нето желая сказать: «Вот, мол, идём, а вчера беспокоились!» Егор Савельевич шагал неторопливо, слегка раскачиваясь на ходу. Его полушубок туго стянут кушаком, за которым засунут топор. Ремень ружья закинул за шею, и ружьё висит спереди. Яркое солнце, прорываясь сквозь ветви и верхушки деревьев, отпечатывало на снегу золотые с алмазными блёстками кружева. Выкса бежала впереди. Иногда она ныряла под лапы пихт, пропадала в тайге, потом появлялась сзади и бежала по лыжне.

Неожиданно Егор Савельевич остановился:

— Придержи собаку.

Присев на корточки, Петька охватил Выксу рукой и начал гладить её шею. Сердце мальчика сильно застучало. И, словно успокаивая хозяина, Выкса лизнула его лицо тёплым и влажным языком. Между деревьями ходил оператор, осматривался вокруг, поглядывал на солнце. Потом он начал утаптывать снег и утвердил треножник. Отец стоял поодаль и смотрел, как Николай Степанович прилаживает к треножнику аппарат.— Давай! — послышался, наконец, голос отца.

Петька отпустил собаку, и она прыжками бросилась вперёд.

Подойдя к отцу, Петька увидал поваленную бурей сосну. Её корни, вывороченные из земли, напоминали огромного паука, вытянувшего во все стороны цепкие лапы. У корня был сугроб. Верхушка его осела, а снег на ней был желтоватый и казался влажным. От жёлтого пятна струился едва различимый парок, и корни, нависшие над сугробом, были густо опушены инеем. Выкса, принюхиваясь, бегала вокруг, потом заворчала, и шерсть на её загривке поднялась дыбом. Петька быстро сбросил с ног лыжи и взял ружьё. Сзади застрекотало: Это Николай Степанович крутил ручку аппарата.

6

В зале погас свет, и на экране появилась улица с большими домами. Один из домов быстро приближался. Замелькали этажи, и на самом верхнем показались каменщики, торопливо укладывающие кирпичи. Громкий голос, отчётливо раздававшийся в зале, говорил о восстановлении городов, разрушенных немцами. Потом на экране возникли машины с вертя-

щимися колесами и движущимися поршнями. Голос пояснил: завод, где директором товарищ Иванов, в новой сталинской пятилетке перевыполняет программу.

Крупные буквы, как бы висевшие перед заснеженным лесом, возвестили: «Охота на медведя». Петька подался вперёд и замер. Он увидал покрытые инеем пихты и сосны, кружево солнечного света у подножий деревьев. Между деревьями скользит на лыжах отец и следом за ним — он, Петька. Отца Петька узнал сразу, а на себя смотрел, затаив дыхание, словно видел нечто чудесное, чего не бывает в жизни.

Вот появилась Выкса, обогнала отца и пропала, точно спрыгнула с экрана в зал. А на экране появилась берлога под корнем поваленной бурей сосны. Взъёрошив шерсть, злобно и неслышно лает собака. Лес поехал в сторону, и Петька снова увидал отца, напряжённо смотревшего на берлогу. Опять поплыли и остановились сосны. У толстого ствола с ружьем наготове — паренёк. «Я... Я стою...» — Петька глубоко вздохнул.

«Медведь не хотел вылезать из берлоги, надо было выгнать его»,— услышал он голос.

Паренёк рубит тонкую сосёнку, очищает её от ветвей. Вот он стоит у берлоги и тычет шестом в сугроб. Появляется отец: он слегка согнулся и поднял ружьё, готовясь выстрелить.

Картины, сменяя одна другую, возникали и исчезали. Паренёк бросает шест и отбегает от корневища. На сугроб кидается Выкса и шарахается в сторону, когда из снега появляется голова медведя. И опять яростно лая, бросается на зверя. Отец вскидывает ружьё. Облачко дыма затуманивает стволы сосен. Из берлоги, разбрасывая снег, увеличиваясь с каждым мгновением, выскакивает медведь; он как бы бежит в зрительный зал. Паренёк стреляет. На снегу — мёртвый медведь. На медведе сидит Петька, а рядом стоит отец — он смотрит в сторону.

«Юный охотник Петр Топоров убил первого медведя»,— объявил голос.

Петька улыбнулся пареньку, сидящему на медведе, и тот улыбнулся ему.

После киножурнала шёл фильм «Волга-Волга», но Петька смотрел его без обычного интереса. Он был потрясён «Охотой на медведя», хотя самого страшного не было на экране.

...Когда Петька ткнул шестом в берлогу, оттуда послышалось глухое, утробное ворчанье. Петька испугался, бросил шест и, подбежав к Николаю Степановичу, схватил ружьё. А когда отец тяжело ранил медведя,

зверь бросился на оператора. Очевидно, стрекочущий аппарат и показался ему тем врагом, который больно ударил его. Николай Степанович продолжал крутить ручку. «Вот тут-то я и выстрелил!» — улыбнулся Петька.

Охотников Николай Степанович снимал потом, но, сравнивая сейчас то, что происходило на самом деле, с тем, что промелькнуло на экране, Петька с удивлением сознавал: чудесный аппарат всё поставил на своё место. Охота от начала до конца была такой же, как и в тайге: шли на лыжах, дошли до берлоги, выгнали медведя и убили его... Не было только Николая Степановича, крутившего ручку аппарата.

«Как же так? Ведь он больше нас подвергался опасности. Он был безоружен, когда медведь бросился на него,— и не испугался, не побежал, а продолжал вертеть ручку...»

Эти внезапно возникшие мысли незнакомо взволновали его и он понял, что так, наверное, было всегда: на море, в воздухе, и под немецкими пулями,— везде, где приходилось снимать Николаю Степановичу... Миллионы людей видели всё, что снимал он, а самого Николая Степановича не видал на экране ни один человек. «А разве он не герой?» — думал Петька.

После сеанса зрители ещё внимательнее смотрели на него, а он шёл, слегка потупив голову, и, выходя из зала, почтительно уступил дорогу Николаю Степановичу.

КАТЯ И ЧАЙНИК

Евгения Долинова

Рисунки Е. Гилёвой

Дома осталась
Хозяйничать Катя,
Мамин передник
Надела на платье.

Пыль подмела
И посуду помыла,
Чайник почистить
Немного решила.

С чайником,
С жёлтой мочалкой в руке
Наша Катюша
Спустилась к реке.

Речка встречает
Приветливым плеском,
Веет над речкой
Шалун-ветерок...

Чистит Катюша
Чайник до блеска,
Сажу отлично
Счищает песок.

Зеркалом чайник
На солнце блеснул.
С чайника
Прямо на Катю взглянул

Кто-то...
Совсем незнакомый ей даже,
Весь до волос
Перепачканный в саже!

Шел Петя в гости

Шёл нарядный Петя в гости
К другу маленькому — Косте.

Было солнечно, но вдруг
Затуманилось вокруг.

Брызнул дождичек изрядный,
И промок костюм нарядный.

Мальчуган идёт, не тужит,
Перепрыгивает лужи,
Но попалась вдруг одна —
Ух, какая ширина!

Но не думал Петя долго.
Это — лужа, а не Волга...

Эта лужа для него
И не значит ничего!
Разбежался Петя, прыгнул
И упруго спину выгнул,

И над лужей полетел,
И... в средину лужи сел!

Сел и думает Петруша:
«Всё равно б я не был суше,

Вон какой идёт дождище!
Только был бы чуть почище»...

ПУЗЫРЬ

Я надул пузырь красивый
И увидел сразу в нём,
Как садовник дядя Гриша
Садит вишню под окном.

Мой пузырь поднялся выше,
Вместе с нашим дядей Гришей...
Дунул я — на всём скаку
Подлетел он к потолку!

Ох!
Ну и что ж! Хотя он лопнул,
Дядя Гриша всё равно
Вырыл луночку и вишню
Посадил к нам под окно.

Товарищи

Ольга Маркова

Рисунки Е. Гилёвой

Их дома стояли рядом, один подле другого. Товарищи родились в один год; маленькими вместе играли и бегали купаться на озеро, за посёлок.

Ивашка и Витя быстро научились плавать и чувствовали себя в воде совсем, как рыбки, а Федя боялся оторваться от берега и плавал один на таком расстоянии, чтобы при усталости легко можно было встать на дно.

Товарищи ныряли, брызгались водой так, что она пенилась вокруг них. Они зазывали Федю к себе, на середину озера, но он, отдуваясь, молча и тихо плавал около берега.

Самый смелый из всех троих был Ивашка. Он не боялся ни воды, ни темноты и всё хотел узнать сам и увидеть своими глазами. В школе он больше всех задавал вопросов учительнице, и товарищи его звали: «хочу всё знать». Он не обижался на это, а всякий раз говорил:

— Конечно, хочу всё знать!

Витя тоже хотел всё знать, но знал меньше Ивашки и чуть-чуть больше Феди.

Витя умел разговаривать с птицами на все голоса, и когда щёлкал и свистел скворцом, ребята думали, что это подсвистывает настоящий скворец.

Оба — Ивашка и Витя — всё время подсмеивались над Федей. Он всегда плёлся сзади, куда бы они ни шли: в школу ли, в лес ли, и любил дразнить их словами:

— А у меня лучше!

Ему казалось, что у него всё лучше: ягоды, если они их собирали, грибы, удочка, пионерский галстук.

Товарищи отлично знали эту странность друга, не сердились на него и всегда были вместе.

В школе учительница не разрешила троим сидеть на одной парте. Они долго не могли решить, кому же из них сесть отдельно и, наконец, бросили жребий. Отдельно от товарищей пришлось сесть Феде. Он оглядел свою парту и сказал:

— А у меня она лучше вашей.

В школе товарищи узнали, что пионерский отряд развёл свой фруктовый сад. Все, кто хотел посадить свои яблони, каждую весну брали в отряде саженцы. Три товарища тоже взяли саженцев и посадили каждый у себя на огороде. Пионеры помогли им посадить, рассказали, как за ними ухаживать.

Третий год растут яблоньки. Всё свободное время мальчики проводят около своих питомцев.

Много у них появилось новых забот. Примутся ли деревья, посаженные осенью? Зацветёт ли трёхлетка? Устоят ли от морозов деревца? Заживут ли раны от солнечных ожогов на молодых саженцах? И какие же будут плоды от этих яблонь с толстыми, словно обрубленными ветками.

Неласков уральский климат. Много огорчений приносит он юным садоводам то ранними заморозками, то солнечными ожогами, то ливнями и ветрами.

Федя, не переставая, твердил, что его саженцы лучше всех. Правда, про себя он знал хорошо, что сад Ивашки лучше, чем у него. Каких только растений не посадил у себя Ивашка! В лесу он нашёл яблоньку-дикарку и перенёс сюда; под окном дома стоит вишенка, раскинув ветви; около забора топорщится целая аллейка крыжовника и смородины. И, наконец, не три, а целых пять яблонь посадил Ивашка разных сортов: и всё сделано так, как учили в отряде. Деревца на расстоянии пяти метров друг от друга словно соревнуются в росте.

В эту весну яблони должны уже цвести и к осени дать первые плоды. Поэтому ребята каждый день, чуть свет, бежали в свои сады, чтоб посмотреть, не показались ли первые листочки. Но нет, яблони у всех стояли, выбросив в стороны голые сучья.

Пошли дожди, и ребята уже не посещали друг друга. Из школы, вымокшие, они шли по домам и не заметили, как под дож-

дём кора на саженцах припухла, на веточках появились широкие почки.

В один из таких дней Федя пришёл к Ивашке, несмотря на дождь. Одежда на нём была мокрая. Однако Ивашка сразу заметил, что Федя чем-то очень доволен.

— У меня яблоньки листочки дали,— весело сказал Федя.

— И у меня тоже,— сообщил Ивашка.

С одежды Феди стекали на пол струйки воды, на сапогах была грязь, и Ивашка поэтому не пригласил его пройти в комнату, разговаривал с ним в кухне. Он знал, что Федя в такую погоду пришёл не для того, чтобы сказать о листочках, что он скажет что-то ещё, более важное. И Федя сказал:

— Мои яблоньки не лучше твоих... такие же...

В первый раз Федя признавался в этом. Ивашка насторожился и ждал, что тот скажет ещё.

— Но мои лучше, чем у Вити,— горделиво добавил Федя.— Я сегодня в щелку к нему в сад посмотрел, а у него на яблоньках ни одного листочка.

Его так и подмывало рассмеяться. Ещё и ещё раз принимался он рассказывать всё, что увидел: и о том, как Витя вышел в сад, как он засвистел скворцом и птицы ответили ему из кустов весёлым шумом, а один скворчик пролетел у Вити над головой; как осторожно ступая по набухшему суглинку, он подошёл к яблонькам, постоял около них, потрогал кору и заплакал.

— Честное слово, я видел, как он заплакал! Птицы к нему всё равно слетались, и я видел, что и дождь идёт и солнышко греет, и забор от тепла дымится, а Витька стоит и плачет, как маленький! —смеясь, проговорил Федя и замолчал, увидя, что Ивашка быстро начал одеваться.

— Куда ты? Смотри, дождь-то какой! —крикнула из кухни мама.

Ивашка, не слушая её, сбежал по мокрым ступенькам.

Федя оторопело следовал за ним, продолжая рассказывать:

— Я видел, как Витя известь для побелки яблонь развёл жидко-жидко... вожатая учила не так. Известь весной осыпалась, и деревья у него все спалило.

— Отчего же ты тогда не сказал ему об этом? — сердито спросил Ивашка.

Федя ничего не ответил, только натянул на уши картуз да поднял воротник пальто.

Ивашка остановился, посмотрел на товарища долго и удивлённо и решительно зашагал к дому Вити. Его возмутила лёгкость, даже злорадство, с какой Федя рассказал о несчастье, он бормотал про себя:

— Как же теперь их спасти?.. Но может, не все яблони погибли.

Федя стоял у калитки, пока Ивашка не свернул с тропы. Во рту у него вдруг пересохло, и он хватал губами дождевые капли, стекающие по лицу; посмотрел на свои руки, словно на чужие, сделал было несколько шагов по направлению к саду Вити, но, вспомнив сердитый взгляд Ивашки, остановился.

Ему не хотелось идти домой, он казался себе таким маленьким и одиноким. Зябко засунув руки в рукава, он переминался с ноги на ногу. Разные чувства тревожили его. Да, он радовался тому, что его яблони лучше, чем у Вити, и даже намеренно не сказал товарищу о его ошибке с побелкой стволов саженцев, и теперь у Вити погибли все яблоньки.

По небу ветер нёс облака. Журчали ручьи. Лил дождь, и светило солнце, от заборов шёл пар. Федя стоял на дороге и плакал. Ему всегда казалось, что у него всё лучше, чем у товарищей, но сам он оказался плохим, хуже всех, и поэтому остался теперь один.

Неожиданно калитка в сад открылась. Вначале по-

казались в ней головы ребят, подсматривающих за Федей, затем вышел Витя и решительно шагнул к товарищу. Остановившись перед Федей, он оглянулся на Ивашку, словно ища у того поддержки. Федя ожидал, что будет.

Витя строго спросил:

— Зачем ты остался один?.. Пойдём с нами...

Федя, смеясь и плача, побежал к открытой калитке, приговаривая:

— Может быть, мы яблоньки спасём... Все вместе мы что-нибудь придумаем, верно, Витя?

Ф. Тарханеев *Рисунки В. Воловича*

ГЛУХАРЯТА

Август — самое лучшее время года на Урале.

Природа словно отдыхает после жаркого лета. Травы уже отцвели, на берёзах и липах начинают желтеть листочки — первые вестники наступающей осени. Воздух наполнен запахами свежескошенного сена и увядающих трав.

В такой августовский день я шёл по узенькой лесной тропинке среди великанов соснового бора. Впереди бежал Азор, моя охотничья собака. На пути часто попадались ложбинки, поросшие мелким липняком, осинками и берёзками.

Выискивая дичь, Азор старательно шарил по кустарникам, особенно в зарослях липняка. Неожиданно он замедлил шаг, настороженно приподнял уши и начал медленно подходить к большому кусту травы. Видимо, собака почуяла дичь.

Я взял ружьё наизготовку и осторожно пошёл за Азором Обычно в таких случаях, пройдя несколько метров, собака делала стойку. На этот раз получилось совсем иное: у Азора неожиданно исчезло приподнятое настроение, уши опустились, и он мирно завилял хвостом.

«Ошибся пёс»,— подумал я.

Однако Азор не ошибся. От куста побежала глухарка. Она, тревожно квохтая, припадала на левую лапку и беспомощно махала крыльями, словно подстреленная.

Азор, не обращая на неё внимания, продолжал стоять, посматривая на траву.

Я проследил за его взглядом и увидел среди травы маленьких глухарят. Птенчики, видимо, только что вывелись, но уже понимали, что мать предупреждает их об опасности.

Вот один из птенчиков схватил клювом опавший лист осины, ловко перевернулся на спинку и, как щитом, прикрылся листочком.

Второй глухарёнок подбежал к маленькой моховой кочке и припал к ней, спрятав голову в мягкий мох. Хотя половина его осталась неприкрытой, он, как малый ребёнок, полагал, что спрятался.

Третий глухарёнок заторопился, споткнулся, упал в ямку и, беспомощно болтая лапками, запищал.

Азор бросился вперёд... Я не успел крикнуть и растерянно стоял, ожидая, что пёс разорвёт птенчика. Глухарёнок испуганно пискнул, подскочил от страха, встал на лапки и скрылся в траве.

Скрылась и мать-глухарка.

Азор подошёл ко мне и виновато завилял хвостом, как бы извиняясь за то, что упустил дичь.

ХИТРАЯ КУМУШКА

— Вот и вершина горы Медвежьей! — проговорил мой спутник, охотник Евграф Михеич, или попросту Михеич.

Перед нами открылась сказочная картина. Леса осенним пёстроцветным узором покрывали горы. На тёмнозелёном фоне сосны и пихты выделялись золотистые увядающие берёзы, багряно-красные черёмушники, осинники. В лесах — тишина, нарушаемая только шелестом опадающей листвы.

— А воздух-то, воздух! — восторгался Михеич.

— Воздух-то... Воздух что-то не очень...— посматривая на старика, поморщился я.— Какой-то гадостью воняет, точно из помойки...

— И правда!— смутился Михеич, осматриваясь по сторонам.— Где-то лиса с барсуком воюет!

— С барсуком воюет? — удивился я.

Михеич, не ответив, начал внимательно осматривать поляну.

— Так и есть! Хитрая кума! — проговорил он, указывая на отверстие большой норы.— Это барсучья нора, вот. Около входа в неё лиса всякой пакости и грязи натаскала...

Старик презрительно сплюнул и, отойдя от норы, начал крутить цыгарку.

— Надо тебе сказать,— продолжал он,— барсук очень хорошо делает норы, и делает их по всем правилам строительства: с тремя входами, со спальней и кладовой. В комнатах его ни сориночки, ни хламиночки. Чистоплотный зверёк.

Михеич закурил.

— Всё это отлично знает лиса, неряха и лентяйка. Подходит зима, кумушке нужна хорошая теплая квартира. А сама она неискусна на это дело. И вот, зная нрав барсука-чистюли, лисичка около входа в его нору устроит склад гадости. Вначале барсук

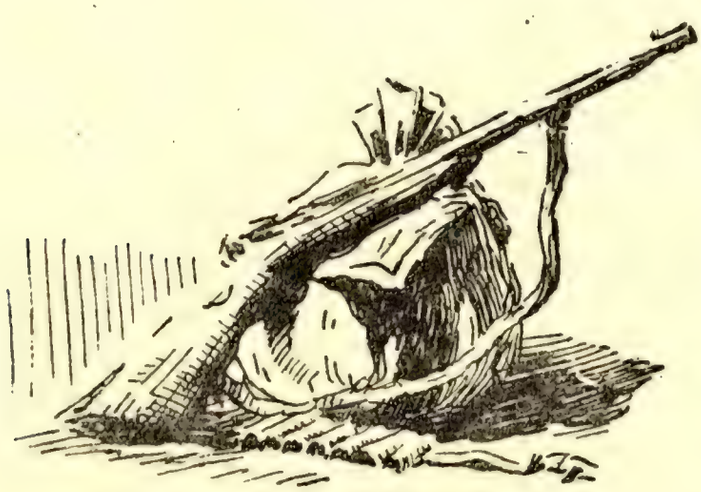
поворчит, посердится да и закроет этот вход. Но и лисичка не дремлет. Заметив, что барсук бросил загаженный вход, она перейдёт к следующему. И снова начинает пакостить.

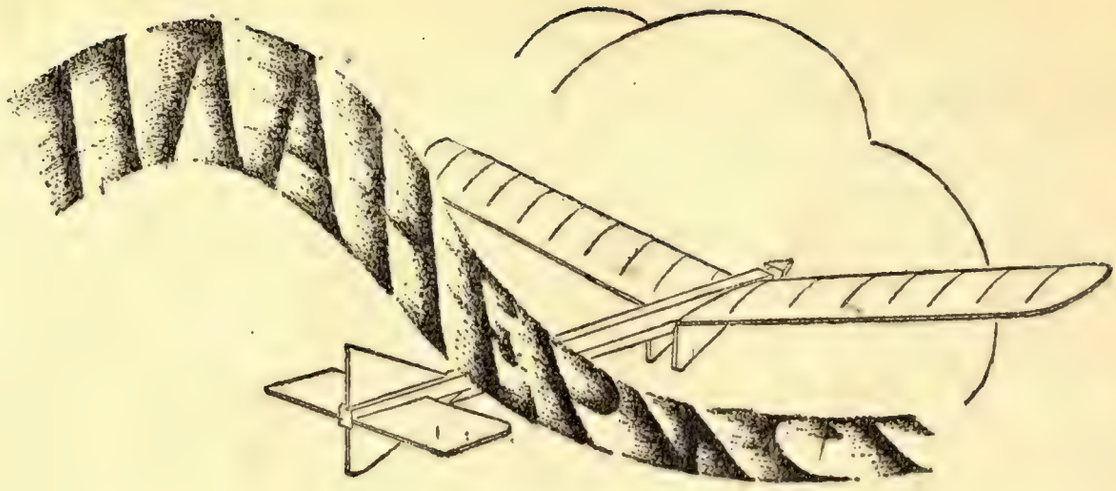
Барсук не выносит лисьего запаха. В конце концов он бросает нору и уходит в другое место, а лиса занимает готовую тёплую квартиру.

Михеич вытащил из-за пояса топор, подошёл к ближайшей сосне и сделал на ней несколько заметок.

— Это для чего? — поинтересовался я.

— А вот, когда поздней осенью лисичка вылиняет, сменит летнюю шубку на зимнюю, мы придём сюда и поставим капканы. Она барсука выгнала, а мы с неё шубу снимем... не пакости! — смеялся Михеич.





Е. Ружанский *Рисунки М. Шировского*

Мой товарищ, брат героя,
Сам немножечко герой:
Планер он сумел построить —
Настоящий, скоростной.

Взялся смело он за дело,
С каждым часом — ближе цель.
Птицей-соколом взлетела
В небо авиамодель.

КАПИТАН

Вьётся речка по лесам,
Гонит ветер паруса,
Сам я ими управляю,
Все пути речные знаю.

Мчится лодка по волнам,
Я её построил сам!..
Подрасту, тогда я стану
Настоящим капитаном.

В. В. МАЯКОВСКИЙ

(К двадцатилетию со дня смерти)

Владимир Владимирович Маяковский родился в 1893 году на Кавказе в селе Багдады (ныне Маяковски) в семье лесничего. Ещё в детстве он проникся горячим сочувствием к простому народу, страдавшему под гнётом помещиков и капиталистов.

В 1905 году в России началась революция. Рабочих и крестьян, восставших против царского правительства, поддерживала учащаяся молодёжь. Тринадцатилетний Володя принимал активное участие в школьных забастовках и политических демонстрациях. Стремясь узнать правду о том, почему тяжело живётся трудящимся, почему потерпела поражение революция 1905 года, он внимательно изучал запрещённые в то время труды Маркса и Ленина.

В 1906 году после смерти отца семья Маяковских переехала в Москву. Здесь Володя близко сошёлся с революционерами. Пятнадцатилетним юношей он вступил в партию большевиков, стал сознательным борцом против власти капиталистов. Эти годы — годы неутомимой революционной деятельности Маяковского. Он помогал скрываться революционерам, которых преследовала полиция, распространял листовки, в

беседах с рабочими разъяснял им причины их тяжёлой жизни, призывал их объединяться для борьбы с царским правительством. Полиция трижды арестовывала Маяковского. Он подолгу сидел в тюрьмах, но даже там не переставал упорно учиться.

Первые стихи Маяковского полны страстной ненавистью и презрением к миру сытых и глубочайшей любовью к трудовому народу. Когда в 1914 году началась мировая война, Маяковский резко выступил против этой кровавой бойни, затеянной капиталистами. Обращаясь в своих стихотворениях к обманутым царским правительством рабочим и крестьянам, он призывал их повернуть штыки против помещиков и капиталистов.

7 ноября 1917 года в России победила Великая Октябрьская социалистическая революция. Впервые в мире рабочие и крестьяне свергли власть угнетателей, сами стали хозяевами своей страны. Это «моя революция»,— сказал Маяковский. Поэт-революционер, испытавший голод, нужду и преследования полиции, не мог сказать иначе. Всю силу своего громадного таланта Маяковский употребил на то, чтобы помочь молодой советской республике. Он рисовал плакаты и делал стихотворные надписи к ним.

Плакаты Маяковского были мощным, безотказно действовавшим оружием, направленным против врагов революции. Воодушевлённые его стихами, красноармейцы рвались в бой.

Кончилась гражданская война. Трудящиеся под руководством партии большевиков взялись за восстановление разрушенного народного хозяйства. Маяковский, ставший первым поэтом Советской страны, нашёл своё место в «рабочем строю».

В 1924 году умер Ленин. Смерть вождя Маяковский воспринял, как громадное всенародное горе. В 1925 году он написал замечательную поэму «Владимир Ильич Ленин», в которой воссоздал образ гениального основателя партии большевиков, организатора и руководителя Октябрьской революции, показал Ленина, как самого «человечного человека».

Маяковский несколько раз бывал за границей. Здесь он выступал как представитель самой передовой страны, страны социализма. Основной мотив, пронизывающий все заграничные стихи Маяковского,— любовь к Советской Родине. Проезжая по разным странам Европы и Америки, он всюду видел примеры жесточайшего угнетения рабочих и крестьян капиталистами. В Соединённых Штатах Америки, считавшихся самой передовой страной капиталистического мира, за великолепием небоскрёбов и бросающейся в глаза показной роскошью Маяковский зорким взглядом поэта увидел «мир насилья и денег», картины страшного

рабства негров, невероятно тяжёлую жизнь трудящихся. Он имел много случаев убедиться в том, что Америка с её хвалёной техникой бесконечно далеко отстала от нашей страны.

Я стремился
на 7000 вёрст вперёд,
а приехал
на 7 лет назад,—

говорит Маяковский, обобщая свои впечатления об Америке.

В одном из стихотворений он писал:

Я в восторге
от Нью-Йорка города.
Но
кепчёнку
не сдёрну с виска.
У советских
собственная гордость:
на буржуев
смотрим свысока.

Это законная гордость советского человека за свою Родину,— единственную в мире страну, где нет угнетения человека человеком, где все трудятся для пользы. Этой гордостью проникнуто одно из лучших произведений Маяковского, его знаменитые «Стихи о советском паспорте».

Отдыхая от путешествий по «заграницам», Маяковский много ездил по Советской стране, которая в те годы была покрыта сетью строек. Посещение каждого нового завода, города, выросшего в степи, героический труд советских людей,— всё это вызывало восторг Маяковского, давало материал для его чудесных стихотворений.

Я знаю —
город
будет,
я знаю —
саду
цвесть,
Когда
такие люди
в стране
советской
есть!

писал поэт, выражая глубокую уверенность в том, что советский народ под руководством партии большевиков построит социализм.

Эти же жизнеутверждающие настроения звучат и в поэме «Хорошо».

Я
земной шар
Чуть не весь
обошёл,—
и жизнь
хороша,
и жить
хорошо.

Жизнь хороша, потому что советская власть открывает трудящимся широчайшие возможности для труда и творчества, потому что наша страна растёт и крепнет с каждым днём, потому что миллионы угнетённых во всём мире, следуя примеру советских людей, готовятся к последнему бою с капиталистами.

Маяковский очень любил детей и написал для них много хороших стихотворений. Один из друзей поэта вспоминает:

«С детьми он говорил уважительно и просто, как со взрослыми».

Советские ребята, будущие строители коммунизма, должны вырасти здоровыми, смелыми, не боящимися трудностей людьми. И в стихотворении «Что такое хорошо и что такое плохо?» Маяковский говорит о том, как должен вести себя советский школьник, пионер.

Для того, чтобы стать «силачом — коммунистом», надо следить за собой, систематически закалять своё тело и, что особенно важно, надо непрерывно и настойчиво учиться. В стихотворении «История Власа — лентяя и лоботряса» Маяковский, показывая на примере Власа, к чему приводит лень и распущенность, заканчивает:

Вооружись
учебником — книгой!
С детства
мозги
развивай и двигай!
Помни про школу —
только с ней
станешь
строителем
радостных дней!

«Полюбите, дети, труд»,— говорит Маяковский.

В книжке «Кем быть?» он развивает эту мысль.

В нашей стране всякий труд, будь то труд рабочего или моряка, врача или инженера, летчика или машиниста, одинаково радостен и почётен, потому что он служит общему делу построения коммунизма.

За двадцать лет, прошедших со дня смерти В. Маяковского, советский народ прошёл большой путь. Наша страна одержала победу над

врагом человечества фашизмом и гигантскими шагами идёт к построению коммунистического общества. Но стихи Маяковского не забыты. Их читают и любят миллионы советских людей, их переводят на все языки мира. Маяковский входит в нашу жизнь, «как живой с живыми говоря».

Маяковский дорог нам тем, что он в блестящей художественной форме сумел выразить великие идеи Ленина и Сталина, чувства и мысли советского народа.

Его стихи до сих пор остаются мощным оружием, направленным против всех врагов Советской страны, помогают нам изживать наши собственные недостатки. Нам близка и понятна горячая любовь Маяковского к Родине, ненависть ко всякого рода угнетателям. Советские ребята любят Маяковского за то, что он простыми словами сумел сказать им о самом главном, самом нужном в жизни.

Великий вождь трудящегося человечества И. В. Сталин назвал Маяковского «лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи».

И. В. МИЧУРИН

(К пятнадцатилетию со дня смерти)

На шестьдесят первом градусе северной широты в пионерском саду одной из школ Архангельской области весной зацвели яблони. Осенью одна из них дала плоды. Яблоки были ароматные, сладкие, с нежным полосатым румянцем.

Эту чудесную яблоню, плоды которой вызревают в короткое северное лето, вывел Иван Владимирович Мичурин. Называется она «Бельфлёр-Китайка».

С раннего детства любимым занятием Мичурина была работа в саду. Он собирал семена овощей, косточки фруктов и ягод, отбирал лучшие, те, которые редко встречаются, и высаживал их в саду на своих грядках. Правда, сначала его «опыты» не удавались, но мальчик с необычайным упорством снова и снова высаживал семена, ухаживал за появившимися всходами. Это упорство сохранилось у него на всю жизнь и очень помогало ему в дальнейшей работе.

Учился Мичурин в гимназии, но не окончил её: за учёбу нужно было платить, а денег он не имел. Готовился Мичурин поступить в университет, но и это не удалось ему — пришлось поступить на работу в железнодорожную контору, чтобы поддерживать семью.

Через несколько лет Мичурин арендовал небольшую усадьбу, и, наконец, получил возможность серьёзно заниматься любимым делом.

«Я, как помню себя,— говорил он,— всегда и всецело был поглощён только одним стремлением к занятиям выращивать те или другие растения, и настолько сильно было такое увлечение, что я почти даже не замечал многих остальных деталей жизни».

Мичурин поставил перед собой смелую задачу: изменить и обогатить сады родной страны. Суровые зимы губили ежегодно очень много плодовых деревьев. Уцелевшие или совсем не давали плодов или давали очень мало. Мичурин решил создать новые урожайные сорта плодовых деревьев и ягодников, которые давали бы вкусные, ароматные плоды и легко бы переносили сильные морозы.

Для проведения опытов, получения семян, обработки земли, приобретения инвентаря и расширения сада были нужны деньги. Мичурин работает целые дни, вечерами ремонтирует часы, во всём отказывает себе, чтобы получить хоть немного денег для своих опытов.

После нескольких лет поисков, неудач Мичурин нашёл, наконец, правильный путь. Скрещиванием различных сортов и видов растений он вывел новые зимостойкие сорта — яблони: «Антоновка полуторафунтовая», «Ермак», «Боровинка новая»; грушу «Аврора», вишню «Краса севера» и др.

Несмотря на то, что слава Мичурина растёт, царское правительство не оказывает ему никакой поддержки. В невыносимо трудных условиях продолжает свою работу Иван Владимирович.

Только после Великой Октябрьской социалистической революции вздохнул Мичурин полной грудью. Советская власть высоко оценила его работу, дала ему средства для продолжения и расширения её. Питомник, созданный Мичуриным, стал общегосударственным. Город Козлов был переименован в Мичуринск и стал мировым центром плодоводства. В нём создан научно-исследовательский институт северного плодоводства. В громадном совхозе около Мичуринска размножаются новые сорта, выведенные в питомнике. Мичурин стал организатором и руководителем огромного дела. Тысячи людей приезжали к Мичурину, чтобы перенять его опыт.

В 1925 году, в связи с 50-летием научной деятельности, Мичурин был награждён орденом трудового Красного Знамени, а позднее орденом Ленина.

В день своего восьмидесятилетия и шестидесятилетия научной деятельности Мичурин получил приветственную телеграмму от товарища Сталина:

«Товарищу Мичурину, Ивану Владимировичу. От души приветствую Вас, Иван Владимирович, в связи с шестидесятилетием Вашей плодотворной работы на пользу нашей великой родины. Желаю Вам здоровья и новых успехов в деле преобразования плодоводства. Крепко жму руку.

И. Сталин»

Для Мичурина это было самой высокой наградой. В ответной телеграмме он писал:

«Дорогой, Иосиф Виссарионович. Телеграмма от Вашего имени явилась для меня высшей наградой за все восемьдесят лет моей жизни. Она дороже мне всяких иных наград. Я счастлив Вашим великим вниманием.

И. В. Мичурин».

До конца своей жизни работал Иван Владимирович, выращивая всё новые и новые сорта. Его работы произвели целый переворот в науке о растениях.

Буржуазные учёные-биологи утверждали о том, что признаки, которые организм приобретает в процессе жизни, не передаются по наследству и, значит, человек не может управлять развитием растений и животных. Изменяя условия их жизни, Мичурин доказал, что человек по своей воле может управлять развитием растений, создавать нужные ему формы.

«Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у неё — наша задача»,— эти слова Ивана Владимировича стали девизом советских учёных.

Более трёхсот новых сортов плодов и ягод, созданных Мичуриным, являются блестящим подтверждением жизненности его метода.

Сад Мичурина — это чудесный южный уголок в средней полосе нашей страны. Под открытым небом, несмотря на суровые зимы, зреют в нём абрикосы, сливы, виноград, черешня, персики, дыни. Много диковинных растений в этом саду. Вот яблоня. На нескольких ветках её зреют груши. Вот черёмуха с крупными красными ягодами; вот груша с листьями рябины; а есть и растения, которых нет больше нигде — это новые виды, выведенные Мичуриным,— церападус и актинидия.

Всё это создано Мичуриным в результате долголетней упорной, кропотливой работы.

В питомнике Мичурина проводится большая интересная работа по освоению и использованию гибридных растений, которые ещё не пло-

доносили при жизни Мичурина. Ученики Ивана Владимировича получают из этих растений новые сорта.

Осуществилась заветная мечта Мичурина — далеко на Севере, в Сибири, на Урале вызревают прекрасные яблоки и груши.

Двадцать лет тому назад Мичурин писал уральским садоводам-любителям: «Утверждаю полную возможность ведения промышленного садоводства на Урале».

В то время разведением плодов и ягод на Урале занимались единицы, а сейчас площадь колхозных садов только в нашей области составляет уже около 2000 га. В таёжных, северных районах — Ивделе, Гарях, Верхотурье, Серове,— вызревают яблоки, плодоносят груши, большие урожаи дают ягодники.

Вокруг промышленных предприятий созданы зелёные кольца садов. Только на Уралмашзаводе рабочие организовали 15 коллективных садов и получают в них прекрасные урожаи малины, клубники, смородины, яблок.

Уральские школьники закладывают пришкольные плодовые сады.

Пионеры других областей и республик продолжают дело Мичурина, помогают взрослым создавать и выращивать сады.

Современная агробиологическая наука в нашей стране под руководством академика Т. Д. Лысенко развивает и продолжает дело Мичурина.

Учениками и последователями Мичурина выведено более 400 сортов плодово-ягодных растений. Выведены новые скороспелые сорта картофеля для северных районов. На юге этот картофель даёт два урожая в лето. Выведена сибирская озимая пшеница, выдерживающая суровые зимы, наконец, выведена и размножается ветвистая пшеница, которая может давать урожай до 100 центнеров с га.

Методы Мичурина используются и в животноводстве. Выведены костромская порода крупного рогатого скота, ивановская порода лошадей-тяжеловозов, украинская свинья, выдающаяся порода овец «асканийский рамбулье».

Сила учения Мичурина — в его жизненности, в том, что оно служит практике, является действенным средством планомерного изменения природы и поэтому является подлинно народным.

Прекрасно сказал об Иване Владимировиче академик В. Р. Вильямс: «Мичурин принадлежит к разряду счастливых деятелей. Счастливых потому, что итоги его работы останутся жить в веках, перерастут многие поколения и будут цвести и плодоносить».

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПОЛКОВОДЕЦ

18 мая этого года наша страна отметила 150-летие со дня смерти великого русского полководца Александра Васильевича Суворова.

Александр Васильевич Суворов родился 13 ноября 1730 года в Москве. Детские годы его прошли в небогатом отцовском имении Кончанском.

Александр Суворов рос болезненным мальчиком: был худ, мал ростом и плохо сложен. Но маленький Суворов, вопреки желанию отца, упорно готовил себя к военной деятельности. Он много читал и прилежно учился. Особенно пристрастился к чтению военных книг, которых было немало в отцовской библиотеке. В одиннадцать лет ему была хорошо известна история многих походов и сражений.

Оторвавшись от книг, Суворов принимался тренировать своё тело: обливался ледяною водой, в любую погоду безустали скакал верхом на лошади, часами оставаясь под проливным дождём или на морозе; иногда пропадал целыми днями в лесу.

На замечания старших Суворов отвечал: «Солдату не положено нежиться».

Отец вынужден был уступить настойчивым просьбам сына и определил его на военную службу. В этом Александру помог генерал Абрам Петрович Аннибал, приятель отца, обнаруживший выдающиеся военные способности Суворова.

В 1742 году Александр Суворов был записан рядовым в Семёновский полк.

Дорого доставался Суворову офицерский чин. Его ровесники из знати были уже штаб-офицерами и генералами, в то время как Александр Васильевич проходил солдатскую службу. Девять лет служил Суворов солдатом и затем унтер-офицером, показывая пример беспрекословной воинской дисциплины. Он никогда не уклонялся от тяжёлых нарядов, говоря: «Научись повиноваться, прежде чем будешь повелевать другими».

Годы солдатской службы были для Суворова годами всесторонней учёбы. Он старался всячески расширить свои знания. Скудные средства, которые посылал ему отец, он тратил на покупку книг. Впоследствии Суворов стал образованнейшим человеком своей эпохи, «настоящим чудом знаний», «учёнейшей военной академией», как называли его современники.

Первым крупным сражением, в котором Суворов принимал участие, была битва под Куннерсдорфом 14 августа 1759 года, где русские наголову разбили прусскую армию под командованием короля Фридриха II. Прусская армия считалась лучшей армией, а Фридрих II — лучшим полководцем в Европе. Победа русских войск над Фридрихом II означала победу над прусской палочной военной системой. Уже в начале своего боевого пути Суворов обнаружил самостоятельность военной мысли. Узнав, что после победы под Куннерсдорфом русская армия не продвигается вперёд, Суворов сказал: «На месте главнокомандующего я бы сейчас пошёл на Берлин». В 1760 году Суворов принимает участие в экспедиции на Берлин. Среди трофеев этой экспедиции русский отряд под командованием генерала Чернышёва увёз с собой ключи от городских ворот Берлина. Захватнические планы прусского короля Фридриха II разбились о стойкость и храбрость русских солдат. Впоследствии Суворов любил повторять: «Русские прусских всегда бивали».

После окончания семилетней войны Александр Васильевич был назначен командиром Суздальского пехотного полка. Он начал обучать солдат по-своему. В солдате он видел не «стреляющую машину», а человека. В этом человеке он воспитывал сознательное отношение к боевым задачам. Он первый из полководцев потребовал, чтобы «каждый воин понимал свой манёвр». Он развивал в войсках чувство спайки, чувство взаимной выручки в бою.

— Нога ногу подкрепляет, рука руку усиляет, сам погибай, а товарища выручай,— говорил Суворов.

Суворов обучал полк всему, что нужно на войне, и любил повторять: «Тяжело в ученье — легко в походе». Он заставлял свой полк совершать переходы по 40—50 верст в день, в зной и мороз, по непролазной грязи, вброд и вплавь через встречающиеся реки. Суворов строил свою боевую наступательную тактику на стойкости и храбрости русского солдата. Эта суворовская тактика обеспечила непобедимость русской армии.

Полководческий гений Александра Васильевича Суворова развернулся в полную силу во время русско-турецких войн.

В первой русско-турецкой войне 1768—1774 годов Суворовым были одержаны блистательные победы под Туртукаем, у Гирсово и при Козлуджи, где с отрядом в 8 тысяч человек он обратил в паническое бегство 40 тысяч турок. Успехи Суворова решили исход первой Турецкой войны.

На весь мир прогремели победы Суворова во второй русско-турецкой войне (1787—1791 гг.), под Кинбурном (1787 г.), Очаковым (1788 г.), Фокшанах (1789 г.), при Рымнике (1789 г.).

Самой крупной победой Суворова в этой войне было взятие турецкой крепости Измаил — главной твердыни турок. В то время турецкая армия была одной из сильнейших в мире.

Неприступный Измаил был обнесён глубоким рвом, наполненным водой. Над рвом возвышался земляной вал.

Осада Измаила продолжалась два месяца. Дважды русские подходили к Измаилу и оба раза отступали. Взять эту крепость поручили Александру Васильевичу Суворову, как талантливому полководцу. 30 ноября 1790 года он получает приказ предпринять штурм Измаила. Как только Суворов прибыл к Измаилу, он немедленно развернул подготовку к штурму. Суворов изучил каждую складку местности, в лагере велел построить валы и рвы, наподобие измаильских, а ночью учил войска преодолевать эти препятствия. И в офицерах и солдатах стремился поднять веру в успех.

— Видите эту крепость? — говорил он, указывая на Измаил.— Стены её высоки, рвы глубоки, а всё-таки нам нужно её взять.

— С тобой возьмём,— восторженно отвечали солдаты.

Перед штурмом Суворов созывает военный совет и произносит перед генералами и офицерами вдохновенную речь, указывает, что надо или взять крепость, или умереть под её стенами. Общее решение было — штурм. Военный совет закрылся словами Суворова: «Победа, либо славная смерть!»

Штурм крепости был назначен на 11 декабря.

Ночь на 11 декабря была тёмная и пасмурная. В 5 часов ночную темноту прорезала ракета, и войска пошли на приступ. Густой туман скрывал русских. В 4 часа дня, строго по расчету Суворова, Измаил пал. Из 35 тысяч турок — защитников города — 26 тысяч было убито и ранено, 9 тысяч взято в плен. Дунай был красен от крови. Потери русских составляли 4 тысячи убитыми и около 6 тысяч ранеными.

Штурм Измаила — событие беспримерное в истории войн. Он был подготовлен в небывало короткий срок. Сам Суворов говорил, что на такой штурм можно решиться только один раз в жизни.

— Не было крепости крепче, не бывало обороны отчаяннее Измаила, но Измаил взят. Поздравляю,— писал Суворов в донесении Главнокомандующему.

Победа под Измаилом поставила Суворова в ряд величайших полководцев мира и покрыла его имя неувядаемой славой. «Правой рукой» Суворова под Измаилом был его талантливый ученик Михаил Кутузов.

В 1796 году, после смерти Екатерины II, на престол вступает её сын Павел. Он вводит в армию прусские порядки, устанавливает жестокую

муштру. Суворов был яростным противником преклонения перед иноземной военной культурой и боролся против насаждения прусских порядков. «Пудра не порох, букли не пушка, коса не тесак и я не немец, а природный русак»,— говорил вслух Суворов. Павел I уволил Суворова в отставку и сослал его в село Кончанское — имение отца,— под надзор полиции. Здесь Суворов находился три года.

В 1799 году Суворов получил предложение занять должность главнокомандующего союзными войсками в Италии, действующими против французов. Это предложение Суворов принял с восторгом.

7 апреля начался знаменитый итальянский поход Суворова. Войска совершали переходы по 60 вёрст в сутки и за 18 дней прошли 520 вёрст по местности, изрезанной всевозможными каналами, плотинами. Придерживаясь своего правила «удивить — победить», Суворов за два месяца очистил всю северную Италию.

В конце августа он получил приказание начать поход в Швейцарию. Суворов избрал кратчайший путь из Италии в Швейцарию через Сен-Готардское ущелье. Переход был необычайно труден, но Сен-Готард был занят.

Ближайшим помощником Суворова в бою за Сен-Готард был его любимый ученик, бесстрашный Багратион.

В две недели Суворов с армией в 21 тысячу человек совершил переход через Альпы с боями при невиданных трудностях.

7 октября Суворов вывел армию в долину Рейна. Швейцарский поход был закончен.

Энгельс определил этот переход как «самый выдающийся из всех современных альпийских переходов». Он явился венцом славы Суворова и показал, что при умелом руководстве русский солдат, его энергия и упорство могут одолеть самые невероятные препятствия. За итальянский и швейцарский походы Суворову было присвоено звание генералиссимуса.

Величайший в русской истории полководец, один из самых великих полководцев мира, Александр Васильевич Суворов умер вскоре после возвращения в Россию, 19 мая 1800 года.

Армию охватила глубокая скорбь. Старые ветераны украдкой рыдали. Но каждый знал: вечно в памяти русского народа будет жить слава о великом полководце.

Свыше пятидесяти лет своей жизни не выпускал оружия из рук великий Суворов. Ни разу за всё время своей боевой и полководческой деятельности он не был побеждён. Он гордился тем, что почти все его победы одержаны над численно превосходящим противником.

Суворов был гениальным творцом русской науки побеждать. Своё военное искусство он разрабатывал на многовековом опыте русских войск. Стратегия и тактика его были всегда активны, наступательны. Три «воинские искусства» — «глазомер, быстрота и натиск» — были залогом суворовских побед.

Жизнь и подвиги Суворова были вдохновенным служением родине. «Покажи на деле, что ты русский!» — любил повторять он, поощряя своих «чудо-богатырей». Сам Суворов показал это на деле. В решительную минуту он готов был подать пример смелости, бесстрашия. Дважды раненый в кинбурнской битве он остаётся в строю и воодушевляет солдат. Презрение к трусости было его отличительной чертой. «Храбрый впереди — и жив, трусишку и назади убивают»,— говорил полководец.

Суворов знал и любил русского солдата, плечо к плечу с ним прошёл он весь длинный путь военной службы от капрала до главнокомандующего. «Солдат дорог»,— внушал Суворов своим офицерам. Солдаты отвечали ему такой же любовью и берегли его. Они видели, что Суворов живёт их жизнью. Суворов воспитывал в солдатах честность, благородство. «Солдат — не разбойник»,— говорил он, сам показывая пример гуманности и бескорыстия.

Суворов имел полное право закончить свою автобиографию словами: «Потомство моё, прошу брать мой пример».

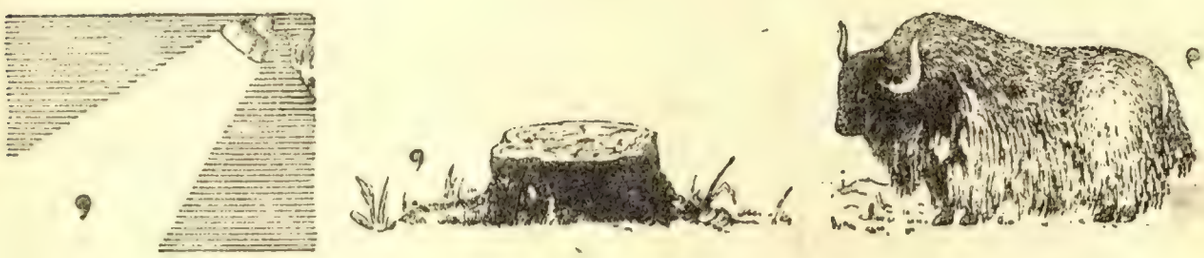
С той поры, как умер Суворов, минуло 150 лет. Советский народ свято хранит память о гении русского национального военного искусства. В дни Великой Отечественной войны гениальный полководец Верховный Главнокомандующий Советской Армии И. В. Сталин назвал имя Александра Суворова в числе других имен наших великих предков, чей мужественный образ вдохновлял нас в борьбе с врагом.

Суворов — это символ нашей военной славы, символ беззаветной преданности отечеству, несокрушимости русского боевого духа и высокого превосходства русского военного искусства. Советская Армия унаследовала лучшие традиции суворовского военного искусства. Вот почему в дни Великой Отечественной войны был учреждён в нашей армии орден Суворова. Вот почему с такой гордостью и любовью смотрим мы на стройные колонны ребят в чёрных шинелях с алыми погонами — будущих офицеров, имя которым — суворовцы.

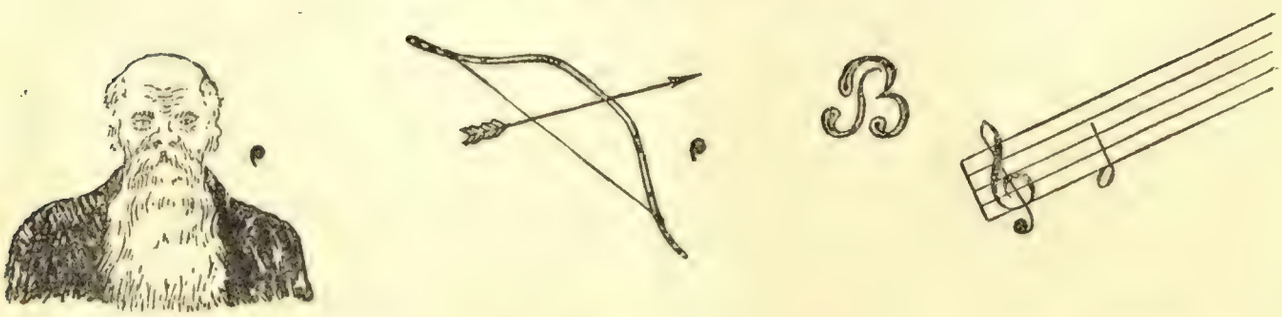
В ЧАСЫ ДОСУГА

Разгадай эти ребусы, и ты прочитаешь две народные пословицы, которые не раз слышал дома и в школе.

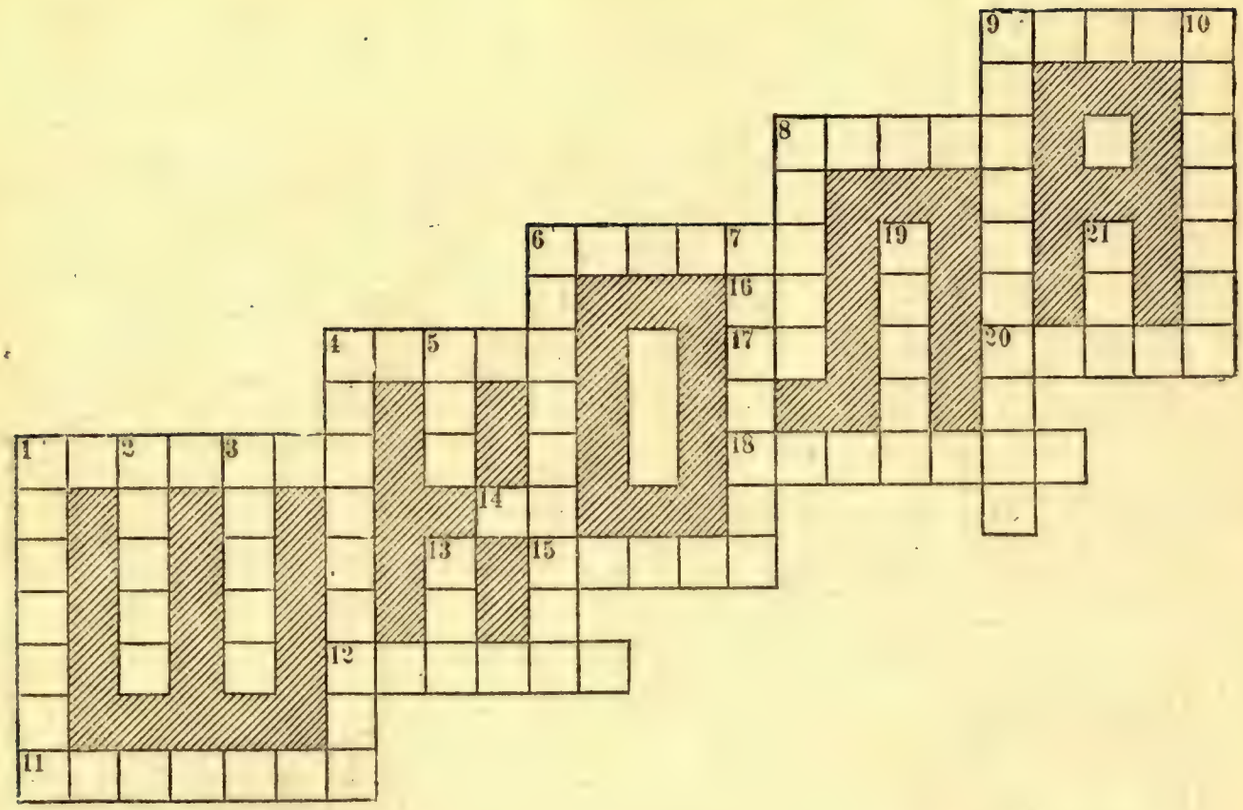
РЕБУС № 1



РЕБУС № 2



КРОССВОРД

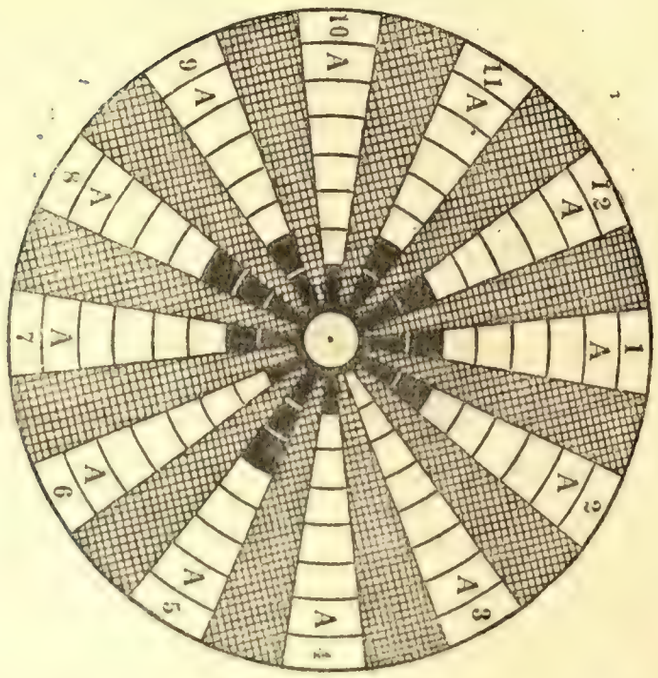


По горизонтали: 1— Комедия Н. В. Гоголя. 4— Город в Японии. 6— Член детской коммунистической организации, передовой учащийся. 8— Виднейший деятель французской буржуазной революции 18 века. 9— Сын Тараса Бульбы. 11— Положение, требующее доказательства. 12— Один из ранних рассказов А. М. Горького. 14— Частица (часть речи). 15— Герой поэмы М. Ю. Лермонтова. 16— Мифический бог солнца в древнем Египте. 17— Лесной зверёк, представитель класса млекопитающих. 18 — Наука о прошлом, о развитии общества и природы. 20— Рыба из семейства окунёвых.

По вертикали: 1— Прибор для регулирования силы тока. 2— Река в Европейской части СССР. 3— Страна света. 4— Фамилия помещицы из романа Н. В. Гоголя «Мёртвые души». 5 — Восток. 6— Годовой план изучения какого-нибудь предмета. 7— Название, которое получали в старину люди, выступающие против учения христианской церкви. 8— Оптическое явление, искажённое отражение в воздухе предметов, находящихся за горизонтом. 9— Автор романа «Как закалялась сталь». 10— Соцветие кукурузы. 13— Мягкий белый известняк, непременная школьная принадлежность. 19— Самый низкий балл в оценке знаний. 21— Одно из физических состояний воды.

КРОСС-ЧАЙНВОРД

Авторы любимых книг



1— Автор романа «Молодая гвардия». 2— Автор повести «Сын полка». 3— Автор повести «Степное солнце». 4— Автор романа «Два капитана». 5— Автор «Малахитовой шкатулки». 6— Автор повести «Дорогие мои мальчишки». 7— Автор повести «Тимур и его команда». 8— Автор сборника стихов «Я живу в Москве». 9— Автор стихотворений «Рисунок», «Хороший день» и других детских стихов. 10— Автор детских рассказов о животных. 11 — Автор пьесы «Тетрадь Андрея Сазонова».

ЛОГОГРИФЫ

1. Реки зелёную волну
Ты, сидя в лодке,
режешь нами.
Но замени нам «ё» на «и»,
И мы рекою станем сами.

2. Теку, хоть я и не вода.
Бежит невидимый поток...
Меня не видят никогда,
Но мой удар сбивает с ног.

Заменишь «Т» — я стал иной.
В меня ведут
Корабль большой.

3. Я хищный зверь. В лесах,
в горах
Повсюду навожу я страх.
Я многих кровожадней,
злее.
Прибавьте буквы две,
теперь —
И перед вами новый зверь,
Но только уж куда смирнее!

ЗАГАДКИ

1. Ходит полем с края в край, режет чёрный каравай.
2. Пришёл в дом — не выгонишь колом; пора придёт — сам уйдёт.
3. Летит орлица по синему небу; крылья распластала — солнышко застлала.
4. Рассыпалось к ночи зерно; глянули утром — нет ничего.

ОТГАДАЙ

Из каких произведений русской литературы взяты эти «крылатые» слова, которые стали поговорками.

1— Есть ещё порох в пороховницах!
2— Привычка свыше нам дана.
3— Служить бы рад, прислуживаться тошно.
4— Свежо предание, а верится с трудом.
5— Дистанция огромного размера!
6— Слона-то я и не приметил.
7— Человек — это звучит гордо.
8— Счастливые часов не наблюдают.
9— Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку.
10— Рождённый ползать — летать не может.
11 — Здравствуй, племя младое, незнакомое!
12— И жизнь хороша, и жить хорошо!

РАССКАЖИ, ЧТО ДАЛЬШЕ

Выберите короткий, но интересный рассказ и прочтите его группе играющих. Рассказ нужно прочитать не весь, а такую его часть, прослушав которую играющие смогут с большей или меньшей уверенностью догадаться о конце.

Тот, кто удачнее всех придумает окончание рассказа, выигрывает.

РАССКАЗ НА ЗАДУМАННЫЕ СЛОВА

Под диктовку водящего участники игры записывают 10—12 слов. Задача играющих заключается в том, чтобы в течение 10 минут написать небольшой рассказ на любую тему. В рассказ надо включить все заданные слова, сохранив при этом их грамматическую форму и порядок.

Законченные рассказы сдают судьям, которые решают, какие рассказы следует признать удачными.

ПИСАТЕЛИ И ИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Играющие сидят вокруг стола. Каждый под диктовку ведущего пишет на листе бумаги столбиком ряд фамилий писателей.

Например: Пушкин
Лермонтов
Толстой
Гончаров
Некрасов
Чехов
Горький и т. д.

Выигрывает тот, кто в течение 7 минут перечислит рядом большее количество произведений этих писателей.

Ответы будут помещены в № 13 «Боевых ребят».

ОТВЕТЫ НА ШАРАДЫ И РЕБУСЫ, ПОМЕЩЁННЫЕ В «БОЕВЫХ РЕБЯТАХ» № 11

Исторический чайнворд: 1. Бородино; 2. Оброк; 3. Кутузов; 4. Вече; 5. Ермак; 6. Краснодон; 7. Нахимов; 8. Варяг; 9. Горн; 10. «Искра»; 11. Азов; 12. Вассал; 13. Ленинград; 14. Дипломат; 15. Тиран; 16. Народ; 17. Декабристы.

Географические загадки и шарады: 1. Орёл; 2. Ямал; 3. Десна; 4. Изюм; 5. Тура; 6. Грозный; 7. Прут; 8. Воронеж; 9. Ангара; 10. Милями.

Литературная викторина: 1. У И. А. Гончарова: «Обрыв», «Обыкновенная история», «Обломов»; 2. Ибрагим Ганнибал; 3. А. С. Пушкин «Полтава»; 4. Григорий Александрович; 5. А. М. Горького «Песнь о Соколе»; 6. В. Г. Белинского; 7. Д. Н. Мамин-Сибиряк; 8. Арина Родионовна; 9. В. В. Маяковский «Кем быть?».

Ребус: Полезно используй все сорок пять минут урока.

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Великанов. Лагерь во дворе, *стихи* 3
О. Коряков, Друзья-приятели, *рассказ* 8
Е. Трутнева, Далёкий товарищ, Горн, Купанье, *стихи* 21
Б. Фрадкин, Крутой поворот, *рассказ* 24
Е. Хоринская, Сентябрь, *стихи* 35
В. Дроткевич, Подвиг водолаза, *рассказ* 37
Л. Носов, Подросток, *стихи* 44
К. Махров, Мы всё узнаем, *рассказ* 46
Б. Раевский, Баллада о последнем патроне 51
Л. Фёдоров, Пахомыч, *рассказ* 53
А. Перегудов, Первый медведь, *рассказ* 60

ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

Е. Долинова, Катя и чайник, Шёл Петя в гости, Пузырь, *стихи* . . . 67
О. Маркова, Товарищи, *рассказ* 72
Ф. Тарханеев, Лесные были, *рассказы* 78
Е. Ружанский, Планерист, Капитан, *стихи* 82

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

В. В. Маяковский 84
И. В. Мичурин 88
Великий русский полководец 92

В ЧАСЫ ДОСУГА

Ребусы, загадки, шарады 97

Дорогие ребята!

Отзывы о сборнике шлите по адресу:
Свердловск, ул. Ленина, 47,
Свердловское Областное
Государственное Издательство

Редактор-составитель *Л. Чумакова* Технический редактор *Л. Носова*
Обложка художника *О. Коровина*. Корректор *Р. Кроненберг*

Подписано в печать 18/X 1950 г. Уч.-издат. л. 6,18. Бумага $70\times92^{1}/_{16}$ = бумажных $3^{1}/_{4}$.
Печатных листов 7,6. НС 39318. Тираж 15000. Заказ 264. Цена 4 р. 10 к.

5-я типография Росполиграфиздата при Совете Министров РСФСР.
Свердловск, ул. Ленина, 47.

4 р. 10 к.

СВЕРДЛОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1950